

Юрий Бор

**ЗЕМЛЯ
- ИГРА**

LitRPG

18+

Юрий Бор
Земля-Игра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бор Ю.

Земля-Игра / Ю. Бор — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Наш современник, самый обычный студент, самого обычного ВУЗа, становится «попаданцем». В том, что он «попал», сомнений нет, но возникает вопрос - куда? Может это Древняя Русь, которую он должен объединить, чтобы дать отпор захватчикам? Или магический мир, который надо спасти от Тёмного Властелина? Но действительность оказывается куда удивительней, чем самые фантастические предположения. «Попадает» он в необычное место, которое когда-то было компьютерной игрой, но затем превратилось в настоящий живой мир, в котором бывшие игровые персонажи обрели свободу воли и разум. Пройдя через множество увлекательных, а порой и опасных приключений, наш герой встречается с игроками, которые уже не первый год живут здесь взаперти. Он знакомится с их бытом, проблемами и радостями, принимает участие в сражениях и развлечениях. Ну и от спасения мира его, разумеется, тоже никто не избавлял. А в это время, на Земле, боевой маг Аркании – Альколат Мудрый отчаянно пытается найти создателя своего мира.

© Бор Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая. Земля-Аркиания	5
Глава 1. Сны как жизнеопределяющий фактор	5
Глава 2. Самый обычный попаданец	12
Глава 3. Маша, волки и неправильные римляне	18
Глава 4. Ох, рано встаёт охрана	29
Глава 5. Торговля дело опасное	38
Глава 6. Мескарель и леди Мурказель	43
Глава 7. Магические услуги мастера Бергера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Бор

Земля-Игра

Часть первая. Земля-Аркиания

Глава 1. Сны как жизнеопределяющий фактор

Каждое утро начинается по-разному, оно может быть пасмурным, ветреным, солнечным или похмельным, но всех их объединяет одно – необходимость просыпаться.

Несмотря на расхожее утверждение, что утро понедельника добрым не бывает, сегодняшнее обещало быть именно таким. Яркие лучи ласкового весеннего солнца, бесцеремонно ворвавшиеся в комнату через неплотно прикрытые старенькие шторы, весёлыми зайчиками запрыгали по подушке, пытаясь проникнуть сквозь полуприкрытые веки и казалось кричали: вставай, вставай, новый чудный день уже наступил!

Сергей любил это далёкое чувство из детства, когда ты просыпаешься от бьющего в глаза солнечного света, и на душе становится легко и ясно, а день грядущий обещает быть полным новых открытий и приключений и таким же ярким и светлым, как и солнце за окном.

Блаженно потянувшись под одеялом, он перевернулся на другой бок. Открывать глаза совершенно не хотелось. Хотелось ещё раз потянуться, перевернуться и снова заснуть.

Но, несмотря на то, что сегодняшний день не обещал ни открытий, ни приключений и вообще ничего хорошего, встать все же было надо. Все-таки каждое утро – доброе, и в том, что ты катастрофически не выспался, оно никоим образом не виновато.

Да, спать он вчера лёг поздно, почти в час ночи. После тренировки сборной университета по теннису, его партнёрша – Катя пригласила всех ребят в сауну. У неё был абонемент, и она регулярно там парилась по вечерам.

В тот день бабушке-вахтеру надо было уйти пораньше, и та оставила ей ключи. С виду Катя была девушкой скромной, положительной, бабушки таким доверяют, даже не подозревая, какие водовороты страстей бушуют иногда в сердцах подобных тихонь. Страстей, толкающих на такие глупые и безрассудные поступки, что в результате именно они, а вовсе не «плохие» девочки пополняют собой ряды молодых да ранних матерей-одиночек или становятся клиентами специализирующихся на абортах хирургов.

Но, как уже упоминалось, бабушки об этом или не знали, или за старостью лет основательно подзабыли, чем Катя беззастенчиво воспользовалась, тайком проведя всю команду в парную.

Банно-оздоровительный комплекс при университетском спортзале, в котором они занимались, был хорош. С финской сауной, бассейном, джакузи и запредельной стоимостью посещения. Отказываться от такого, да ещё бесплатно, было бы глупо. Он и не стал.

Тренировка сама по себе закончилась не рано, да и в сауне они засиделись. Компания молодёжи, разгорячённая спортом, паром и друг другом, домой не торопилась. Нет, все было очень прилично, никаких безобразий, обошлись даже без алкоголя, но разбрелись они нескоро. Пока Сергей добрался домой, было уже далеко за полночь.

И хотя спал он отчаянно, можно сказать изо всех сил, но все равно не выспался. Черт, как же это несправедливо, жить в спальном районе и постоянно не высыпаться! Да ещё Ася с этим нелепым звонком в семь утра. Интересно, что она хотела? Сергей немного нагрубил своей подруге и сбросил вызов, так и не узнав причину столь раннего вызова.

Нехотя поднявшись с кровати, он натянул одну штанину и, задумавшись, замер в этой позе. Накатило чувство чего-то упущенного, важного и значительного, того, что ни при каких обстоятельствах забывать нельзя. Сон, точно, ему приснился Сон!

Надо заметить, что сны играли в Серегиной жизни очень важную роль. Сны были яркие, красочные и зачастую неотличимые от реальности.

В первом классе, после полётов во сне, маленький Серёжа, надев на спину ранец, выходил утром на балкон и начинал махать руками, чтобы полететь в школу. И до слёз расстраивался из-за того, что не может взлететь, искренне недоумевая, куда же подевалось то необыкновенное чувство лёгкости, которое было в его теле буквально час назад.

В более позднем возрасте ему приснился сон про ядерную войну. Они с товарищем сидели у него дома, играя в какую-то игру, а на заднем плане что-то неразборчиво бубнил телевизор. Внезапно передача оборвалась, на экране появилась дикторша с заплаканным лицом и потёкшей косметикой, которая срывающимся голосом объявила:

– Граждане, началась ядерная война, через двенадцать минут американские ракеты будут над нашей территорией. Просим всех покинуть дома и спрятаться в бомбоубежища.

Они спустились вниз. Снаружи было множество людей, стоявших тесно, как на митинге, и тишина. Не тот обычный лёгкий гул, который издаёт любое более или менее крупное скопление людей, а полная и абсолютная тишина. В небе показалась четвёрка реактивных самолётов. Кто-то тихо произнёс:

– Наши полетели...

И этот тихий голос, почти шёпот трубным гласом разнёсся над всей площадью.

А затем, эта мёртвая неестественная тишина была разорвана гулким воем автомобильной сирены. Подъехала машина скорой помощи, из неё выбежали санитары с носилками, покрытыми окровавленной простыней. Они стали куда-то продираться сквозь расступающуюся перед ними толпу, как вдруг человек, лежащий на носилках, сбросил простыню, вскочил и истошно заорал:

– Я бомбил Копенгаген! Я бомбил Копенгаген!

Чуть позже, в период полового созревания, ему приснился секс с коровой. Она лежала на спине, широко раскинув ноги, а он копошился сверху на чем-то очень мягком, теплом, податливом. И в этот самый момент, ну когда вот-вот, корова лизнула его в лицо своим языком. Язык был мокрый, скользкий с вздувающимися, как мыльные пузыри, слюнями. Проснулся он в холодном поту и в ту ночь уже не заснул.

Все эти Сны, несмотря на их кажущуюся глупость, впрочем, где вы видели умные сны, оказали влияние на его дальнейшую жизнь и становление как человека и личности.

После сна про войну он навсегда запомнил то чувство полной пустоты и безнадёжности, когда всего несколько минут назад ты жил, радовался, веселился и вдруг все; жизнь закончилась, впереди есть двенадцать минут и больше ничего.

А сон про корову навсегда отбил всякое влечение к полным женщинам. Нет, не то чтобы он не пытался, умом понимая, что за пышными формами может скрываться вполне себе хороший и добрый человек, но каждый раз, представляя в голове секс с такой женщиной, Сергей вспоминал то мягкое и податливое вымя, слюнявый язык, и ужас вперемешку с холодным потом гнали его прочь.

Вот и сейчас, какие-то исчезающие обрывки чувств, ощущение чего-то важного и безвозвратно утерянного подсказывали ему, что это был именно такой Сон. Тот самый, из категории жизнеопределяющих, который обязательно надо было попытаться вспомнить и проанализировать.

Он и пытался, но проходила минута, другая, в голову лезла всякая ерунда. Он вспомнил, что у него уже давно закончился сахар, что не мешало бы заплатить за интернет, в общем,

все что угодно, кроме того, что надо. Наоборот, чувство безвозвратной потери притупилось, воспоминание, лёгким ветерком крутившееся в его голове, затихло и куда-то исчезло.

Да и Бог с ним, привяжется вот какая-то ерунда и будет потом целый день не давать покоя и мешать думать о значительном. Встряхнув головой, молодой человек решительно натянув вторую штанину, встал и отправился на кухню пить свой традиционный кофе, сегодня без сахара.

Внезапно он вспомнил! Нет, не сон, он вспомнил, что сегодня первой парой в институте была вышка. А пропуск этого предмета грозил одноименными последствиями. Чертыхнувшись, Сергей резко ускорил темп перемещения по квартире. Завтрак отменялся.

Раскрыв настежь дверь, он выскочил на балкон и торопливо сорвал с бельевого верёвки футболку. Утреннее солнце светило прямо в глаза. Он глубоко вдохнул, желая вволю насладиться запахом свежего воздуха и цветущей майской зелени, в которой утопал дом, но вместо этого ощутил запах жареной картошки с салом. Сразу появился зверский аппетит. Ещё раз чертыхнувшись и проклиная своих соседей, парень в спешке натянул на себя кроссовки с футболкой и выскочил на улицу. День хоть и обещал быть удачным, но слова своего не держал.

* * *

Дорога в институт пролежала дворами. Несмотря на относительную близость альма-матер, старенький спальный район, состоящий из пятиэтажных хрущёвок, с его узенькими улочками и односторонним движением, затруднял возможности использования сомнительных преимуществ самого сексуального в мире вида транспорта – общественного.

Да и не любил он этого дела. Киевские маршрутки по утрам были настолько суровы, что в них нужно было уступать даже стоячие места. По выходным, когда многие «киевляне» уезжали на родину, было ещё терпимо, но в понедельник утром в транспорте творилось нечто невообразимое. Теснота, давка, духота, из-за невозможности открыть окно, которое никак не хотело закрываться в декабре, плюс «доброжелательность» кондукторов, предметом особой гордости которых было то, что «в университетах они не обучались», а также растущая со скоростью грибов в тёплый сентябрьский дождик плата за проезд высасывали жизненные силы и настроение похлеще иных вампиров.

То ли дело быстрым шагом, почти бегом нестись через весенние улицы любимого города, который с наступлением жары превращался в хрустальную мечту детства товарища Бендера – полтора миллиона человек и все поголовно в белых штанах или, что более привлекательно, в коротких юбках.

Быстро проскочив небольшой парк, он с ходу форсировал некогда судоходную, а ныне заброшенную, почти зарытую под землю "речку-вонючку" Лыбедь, затем, пройдя под железнодорожным мостом, выскочил на стройплощадку и недовольно скривился.

На крохотном пятачке возвышалось восемь уже почти достроенных многоэтажных жилых домов. Перед воротами площадки была установлена табличка с названием объекта, реквизитами компании-застройщика и красочной картинкой будущего жилмассива. Контраст между практическим результатом строительства и мечтами архитектора был разительным, что, впрочем, для города, где несколько раз начинали строить аквапарк, а в эксплуатацию сдавался очередной бизнес-центр, было не удивительно.

Но недовольство Сергея было вызвано вовсе не этим. Просто подобные жилые "муравейники" не только уродовали лицо города, тяжким грузом ложась на старенькие советские коммуникации и инфраструктуру, но и обещали превратить их тихий и спокойный район в непригодный для жизни "муравейник".

В своё время жители протестовали против вырубки сквера и будущей стройки. Писали петиции, устраивали демонстрации, даже перекрывали улицы. Но все без толку, у компа-

нии-застройщика – "Логарифм-Буд" был железобетонный аргумент в виде личной подписи мэра под разрешением на строительство.

Парень "незлым тихим словом" помянул личность киевского градоначальника, которого всю сознательную жизнь били по голове, и теперь эти побои отражались не только на его интеллекте, но и на улицах города.

Бывший боксер-легенда, а ныне столичный мэр и всеобщее посмешище, пребывал в твёрдой уверенности, что у города нет других проблем кроме плохих дорог. Впрочем, дураки и дороги всегда были главной бедой на Руси. И пока первая беда боролась со второй, недобросовестные застройщики творили полный беспредел, возводя на крохотных участках, по размеру не превышающих загородную резиденцию этого самого мэра, целые города с красивыми и поэтическими названиями, но полным отсутствием условий для нормальной человеческой жизни.

Сергей задумался, а что бы он мог сделать на месте городского главы, или стань он президентом? Сделать можно было много чего. И когда в своих мечтах он уже миновал петровские реформы и вплотную приближался к сталинским, поскольку брить боярам бороду было бесполезно – требовалось рубить головы, его размышления были прерваны телефонным звонком.

Своим вариантом песни «Белые розы» Жанна Агузарова сообщала, что звонит нынешняя Серегина пассия – Ася. Он сдвинул ползунок вызова и поднёс трубку к уху.

– Серёжка, привет! – услышал он знакомый голос, – ты чего утром звонки сбрасывал, не мог своей лапочке ответить?

– Наверное, потому, что я спал и видел сон. А снилось мне, что звонят с того света и отвечать нельзя, а надо сбрасывать. Но, тем не менее, я тебе все равно ответил.

– Ответил он! Называй вещи своими именами. Нахамил ты мне, а не ответил!

– Ася, во-первых, было семь утра. Во-вторых, я не хамил, а вежливо поинтересовался, что тебе нужно в такой ранний час. И, в-третьих, могла бы и сама догадаться, если человек в семь утра не хочет отвечать, может быть он чем то занят. Спит, например.

– Ой, так я тебя разбудила! Ну прости меня, зайчик, я же как лучше хотела, тут такое событие...

– Что? Ты извинилась первая? Кто ты, незнакомая девушка, и куда ты дела мою Асю? – грозным тоном прорычал Сергей в трубку.

– Ну, Серё-ё-ёж, ну прости-и-и, – притворно захныкала Ася, – я же извинилась уже.

– Ладно, проехали. Что там у тебя стряслось?

– Слушай, тут такая удача, вот подфартило, так подфартило! Добыла флаеры в Арсенал на биеннале, выставка наивного искусства, там будет круто! Маринка со своим поругалась, отдала мне, а Танька с подругой ходили, говорят полный отпад! Событие года, мы должны обязательно...

Сергей, немного ошалев от такого напора, слегка отстранил трубку от уха. С Аськой он встречался уже почти год, но все никак не мог привыкнуть к её бешеному темпераменту.

Ася была блондинка, но не смесь брюнетки с пергидролем, а каноническая, от мозга до ногтей. Высокая, стройная, можно даже сказать худощавая, актриса одного из любительских театров, была девушкой отнюдь не Тургеневской и находилась в постоянном броуновском движении. Идеи, мысли, речь, все это выливалось из неё непрерывным, нескончаемым потоком. Она чувствовала, жила и говорила настолько быстро, что иногда казалось, будто она опережает само время.

Познакомились они в галерее Высоцкого, где их труппа давала спектакль к Его юбилею. Роль, которую она играла, была абсолютной её жизненной противоположностью. Спокойная, трагично немногословная. И сыграла она её так, что заслужила искренние аплодисменты немногочисленной публики и цветы от Сергея, за которыми он сбежал к ближайшему подземному переходу и вручил ей после спектакля, дождавшись на выходе.

Именно тогда он и понял, в чем заключается волшебная сила магии актёрского перевоплощения. Маленькая, худенькая девушка, которая совсем недавно заставляла зрителей рыдать, превратилась в один сплошной сгусток энергии, искрящийся радостью и весельем.

Сергей, человек по жизни спокойный и даже немного флегматичный, сперва немного растерялся, а затем вдруг появилось ощущение чего-то родного и близкого, того, что хочется прижать к себе и больше никогда не отпускать. С тех пор они и сошлись, как шутили их знакомые: «Стихи и проза, лёд и пламень».

Надо признаться, что с Аськой бывало всяко, иногда шумно, иногда беспокойно, но скучно никогда. Поэтому, он может и без радости, но и без особого напряжения сопровождал её на различные тусовки и мероприятия, где она чувствовала себя как рыба в воде и без которых не представляла свою жизнь.

Он снова поднёс трубку к уху.

– ... и одень, пожалуйста, свои рабочие джинсы, те, что с дыркой, которые ты выбросить собирался, это будет как раз в струю, помнишь, как ты странно выглядел в своих брюках среди байкеров, когда мы к Лексу на днюху ходили, а так будет очень даже соответственно. В общем, я в двенадцать у тебя, ты готов и ждёшь меня. О, смотри как в рифму получилось, какой невольник чести, какой поэт во мне гибнет!

– Ась, постой, а что там хоть будет?

– Я же сказала, выставка наивного искусства, событие года, быть обязательно!

– А что это ещё за наивное искусство такое?

– А это, Серёженька, когда ты заходишь туда весь такой наивный, а там тебе кружку показывают алюминиевую и говорят: «Это слепил Пикассо в шесть лет, когда ему было девять, из глины», – и, услышав его недоуменное сопение в трубку, Ася весело расхохоталась, – да расслабься ты, шучу я так. В общем, будем на месте, сам все увидишь.

– Слушай, а может не надо никуда ходить? У меня «вышка» на первой паре. Я же тебе рассказывал про нашу Эльвиру. За любой пропуск её предмета требуется платить, и платить не деньгами, которых у меня все равно нет, а потом и кровью. Тем более, что сессия на носу.

– Сергей, ну нельзя же так? Ты же понимаешь, что не вечно будешь молодым. Когда-нибудь ты тоже состаришься и умрёшь.

– Не понял? Это ты сейчас к чему? – опешил Серёга.

– А к тому, что когда ты попадёшь на тот свет и подойдёшь к вратам рая, выискивая глазами самое пушистое облачко, Святой Пётр спросит тебя:

– Ты кто такой?

– Серёжа, – ответишь ты.

– Это какой такой Серёжа? Тот самый, который не захотел идти со своей заюшкой на выставку в мае 2019 года?! Вон, вон отсюда! Вот как все будет, если мы не пойдём!

– Ясно, значит пойдём, – сказал он обречённо.

– Вот и ладненько! Все, чмоки-чмоки, я в четыре у тебя, будь готов! – радостно прочикала Ася, готовясь завершить разговор.

– Ась, подожди, у меня есть к тебе критический вопрос...

– Эти дни? – сразу догадалась о чем идёт речь девушка. – Нет, ещё не закончились.

– Ася, правильно говорить не эти дни не закончились, а не закончилась неделя минета. – Произнёс Сергей с хитринкой в голосе.

– Таких филологов, как ты, черти в аду, в чан со смолой не кладут, а ложат. Ладно, если будешь послушным мальчиком, можешь рассчитывать. Все, давай, скоро буду.

– В двенадцать, это не скоро, – проговорил он капризно, – а ты пораньше приехать не можешь?

– Нет.

– Почему?

– Нельзя же просто так взять и приехать пораньше. К тому же я только в десять освобождаюсь.

– Ну вот!

– Что, ну вот? Если я в десять освобождаюсь, это вовсе не значит, что буду свободна.

– Эх, Ася, Ася! Ты у меня такая, такая... Я бы сказал, но, боюсь, ты сама все поймёшь.

– Бойся, понимаю. Я такая, какая я есть!

– Да, и глаза у тебя цвета твоих глаз, – печально вздохнул Сергей.

– Все, давай, мне уже бежать надо. Я тебя люблю! Подробности под одеялом. – Протараторила Ася и нажала отбой.

Сергей какое-то время послушал гудки и, вздохнув, произнёс:

– И я тебя тоже люблю.

По дороге в институт он думал о предстоящей выставке. Идти в Арсенал хотелось не очень. Эту площадку, бывший киевский завод «Арсенал», а ныне культурно-художественный комплекс «Арсенал искусств», всерьёз и надолго облюбовали представители различных направлений современного искусства.

К их «творчеству» Сергей относился не очень одобрительно. Один из первых их совместных с Асей походов был именно в «Арсенал», на «Выставку современного английского искусства». Впечатления от современных тенденций в английском искусстве у него остались двоякие, да что там кривить душой, негативные они остались.

Одним из экспонатов была куча силикона на подставке, которая тягучими резиновыми соплями постепенно сползала на пол. По окончании процесса, приходил работник выставки, водружал её обратно, и все начиналось сначала.

Другой экспозиция представляла собой огороженную площадку, на которой размещалась куча пустых пластиковых бутылок и какого-то непонятного мусора.

Венцом же и главной «заманухой» выставки был стеклянный гроб, в котором находилась отнюдь не прекрасная принцесса, а плавал труп пожилого мужчины. Возле него сидел молодой человек в очках и читал какую-то книгу. Табличка на русском и английском языках поясняла, что «произведением искусства» является заспиртованный труп его отца.

Созерцание столь вопиющего образчика современного творчества положило конец его терпению, он схватил Асю за руку и насильно выволок её из этого «храма искусств», за что был награждён званием ханжи и ретрограда.

Идти опять в эту клоаку желания не было, да и пропускать математику тоже не хотелось. Читала её – Эльвира Константиновна или, как её окрестили студенты – «сталинистка». Выглядела она, как постаревшая комсомолка 30-х годов, и была так же неподкупна.

Поэтому, пропуск её лекций мог быть чреват последствиями, настолько не совместимыми с продолжением учёбы в институте, что даже один из его одноклассников – Мамука (сын владельца небольшой сети бензозаправок, предпочитавший сдавать экзамены путем частичного перенаправления потока нефтедолларов в бездонные карманы преподавателей и посещающий лекции настолько нечасто, что каждое его появление в институте отмечалось грандиозной попойкой), и тот был вынужден с этим считаться.

Но делать было нечего, требовалось отгонять от Аси различных творческих личностей, которые, как мухи на мёд, слетались при виде молодой, симпатичной девушки, и к коим она питала несомненную симпатию. Так что Сергей только вздохнул и, развернувшись, двинулся в обратном направлении.

* * *

Вернувшись домой, он быстро переоделся в потрёпанные джинсы, дырка на колене в которых появилась не по прихоти кутюрье, а в силу естественных причин и старенькую фут-

болку с надписью «Windows must die», которые давно собирался выбросить, но все никак не доходили руки.

Затем подошёл к зеркалу и, критически оглядев себя, ещё раз пожалел, что не успел избавиться от этого рванья, и что Аська наверняка будет довольна его прикидом, именно прикидом, поскольку назвать это одеждой было трудно.

До её прихода оставалось больше двух часов. Наскоро перекусив, он решил убить время за игрой в компьютер.

В игрушки он играть любил, но делал это достаточно редко, банально не хватало времени. Учёба, спорт, личная жизнь отнимали все свободное время и ещё немного.

Компьютер был хоть и игровой, собранный своими руками, но достаточно старенький, современные игры уже не тянул, давно нуждаясь, даже не в обновлении, а в полной замене. На нем были установлены всего две игрушки: лёгонькая космическая аркада «Star defender» и любимые «Heroes of Might and Magic III». Последнюю он и запустил.

Его знакомство с миром компьютерных игр началось именно с Героев 3. Он пробовал играть и в более свежие версии, но это было уже не то, не было в них духа настоящих Героев, поэтому они были безжалостно снесены, а третья вернулась назад, навечно оставшись в сердце и на жёстком диске.

Выбрав рэндомный сценарий, Сергей уже битый час лениво елозил мышкой по столу, руководя своим Героем, отчаянно мечущимся по карте в поисках святого Грааля, и не заметил, как потихоньку стал подкрадываться сон.

Сперва, пару раз клюнул носом, потом голова опустилась на клавиатуру, направив Героя в направлении, абсолютно противоположном от предполагаемого местонахождения вожака Грааля, а сам он ощутил себя в какой-то клубящейся тьме.

Вокруг была абсолютная темнота, но каким-то образом, Сергей видел, как эта темнота извивалась ещё более тёмными, похожими на языки пламени лепестками. И ещё, он мог на ней стоять, но удивляло не это, а приглушенный голос, монотонно бубнивший откуда-то издалека:

– ... к тебе взываю я, зов мой от низшего к высшему, приди и помоги равному, помоги брату своему. Тебя молю, приди и помоги в беду попавшему.

Текст этого бреда озадачивал и удивлял. Его старший брат уже давно жил в Германии, был человеком трезвым, уверенно стоявшим на ногах; в случае необходимости, звонил ему по Скайпу и уж точно не стал бы «взывать и молить», да ещё таким заунывным голосом.

Тут бубнеж на секунду прервался, а затем тот же голос, но уже раздражённо и яростно, рявкнул:

– Да приди же ты, наконец, иди, я чувствую тебя, сделай шаг!

Сергей от этого неожиданного перепада вздрогнул и шагнул во тьму.

Глава 2. Самый обычный попаданец

Темнота. Ленивое жужжание то ли шмеля, то ли пчелы, душистый запах свежей травы. Не свежескошенной, а именно свежей, которая растёт на поляне в лесу или на лугу, а сейчас почему-то лезет в лицо и щекочет уши и нос. Слабое дыхание тёплого ветра скользит по лицу. В ушах звенит многоголосый, радостный щебет птиц. Правда, какой-то ненастоящий, больше похожий на мелодию «Звуки дневного леса», которую Сергей любил включать, когда они с Асей занимались сексом.

Ася! Она же должна вот-вот прийти, а он тут лежит, траву нюхает. Стоп, какую траву, откуда в его квартире могла появиться трава? С небольшим усилием глаза приоткрылись, и темнота мгновенно взорвалась ослепительным светом.

Светило стоящее в зените солнце, его яркие лучи били в глаза, заставляя их щуриться, а в небе величаво проплывало большое пушистое облако. Рывком подняв вдруг ставшее непослушным тело, он сел и огляделся вокруг.

Вместо привычной обстановки родной квартиры его окружал густой лес, но странно было не это. Самым странным казалось ощущение какой-то внутренней неловкости, как будто на его одежду нацепили кучу грузиков, распределив их при этом весьма неравномерно.

Сергей оглядел себя. Какая-то нелепая одежда – длиннополый кафтан из грубой кожи, на груди и плечах слой более плотный, похоже, спрессованный в несколько слоёв. Хотя он с трудом представлял, как должен выглядеть кафтан, но именно это слово, как нельзя лучше, подходило к этому одеянию.

Облегающие штаны, тоже из кожи, правда, более мягкой, качественно выделанной. Опять же, кожаная рубашка из совсем уже мягкой, более похожей на замшу кожи, и высокие ботинки, отдалённо напоминающие армейские берцы, но со шнуровкой в виде верёвки, охватывающей голенище и не позволяющей им свалиться с ног.

Венчал же это кожаное изобилие металлический пояс, из овальных, цвета до блеска отполированного серебра пластин, крепящихся друг к другу на тонких, напоминающих оконные петли стержнях. К поясу были приторочены ножны, с торчащей из них сабельной рукоятью, и небольшая кожаная сумочка.

«Что за мечта байкера, – мелькнула мысль, – ещё кафтан ловко обрезать под «косуху», и Аскины приятели на мотоциклах удавятся от зависти».

Нагнувшись, он попытался расстегнуть ремень для более детального изучения. Рукой поправил упавшую на лицо прядь шелковистых светло-русых волос и обмер.

Всю жизнь он был брюнет и причёску носил короткую, спортивную. Парик? Рука непроизвольно дёрнула за волосы. Волосы были настоящие, а вот рука, рука была не его.

Широкая ладонь с более длинными чем у него пальцами, на каждом из которых было надето по массивному, грубой выделки перстню с цветным, явно драгоценным камнем, она была абсолютно чужой!

Резко вскочив на ноги и слегка пошатнувшись, он понял, что чужим было все: руки, ноги, голова, одежда, все это было не его! В голове что-то щёлкнуло, и сразу вспомнились события последних минут, часов? Темнота, таинственный голос, шаг в неизвестность. Сколько он тут провалялся, в этом лесу? Куда он вообще попал? Попал? Слово сверлом ввинтилось в мозг, и все сразу встало на свои места.

«Ну что ж Серёжа, могу вас поздравить, – мысленно обратился он сам к себе, – вот вы тут стоите, вертите вокруг чужой башкой, а ведь вы теперь «попаданец».

Как и многие в его возрасте, он увлекался фантастикой и прочёл несчётное количество книг про так называемых «попаданцев», где герои чудесным образом переносились из своего времени в другие миры или эпохи.

Обычно, это были какие-то поворотные моменты истории, её ключевые точки: Великая Отечественная война, революция 17-го года, петровская эпоха или татаро-монгольское нашествие.

Герои нигде не терялись. Быстро вникали в суть происходящего, ловко вписывались в окружающий мир и хорошо продуманными точечными воздействиями двигали историю в нужном им направлении.

У них всегда все получалось. Если они говорили, то в их голосе звучал металл. Если они на кого-то смотрели, то их взгляд пронизывал насквозь.

Необузданный Пётр I, нервно дёргая щекой, нёсся выполнять распоряжения поручика Преображенского полка. Адмирал Колчак, под мудрым руководством неизвестно откуда взявшегося офицера и дворянина, триумфальным маршем занимал освобождённую от красных Москву. Товарищ Сталин, с блокнотом в руках, внимательно конспектировал откровения бывшего офисного клерка, а Иван Грозный, за суровость прозванный Васильевичем, заискивающе глядя в суровые глаза попаданца, покрывался холодным потом от страха. Персонажи помельче и послабее духом, так просто падали в обморок от одного их взгляда.

Если же попадался кто-то более стойкий, способный не обделаться при звуках «стального» голоса, то они, не раздумывая, пускали в ход оружие, уничтожая смельчака, его родных, друзей, просто подвернувшихся под руку персонажей. А потом, на добром десятке страниц, морализировали в оправдание своей «необходимой» жестокости.

Каждый из них или попадал с тюками необходимых вещей, или обживался ими по ходу дела. Хомячество, иногда, достигало каких-то невероятных размеров.

Запомнился один герой, которого занесло в 41-й год, под Ровно, где он объявил персональную войну немцам, бандеровцам и прочим полициям. Уничтожая врагов сотнями и тысячами, он неизменно обдирал их, как липку. Сперва он просто таскал награбленное с собой, затем за ним начал ездить обоз с имуществом.

Размеры обоза все увеличивались и увеличивались. Организованный им партизанский отряд, выполняя несвойственные ему функции, связанные с обслуживанием этого хозяйства, лишь изредка отвлекался на боевые действия и исключительно для восполнения «стратегических» запасов.

Когда размеры обоза превысили все мыслимые и немыслимые пределы, герой принялся зарывать весь этот хабар на чёрный день, который никак не наступал.

К концу книги все ровенские леса были перерыты и заполнены тайниками, а этот супер-хомяк на трофейных самолётах ловко перевозил самое ценное в Швейцарию.

Сергей критически оглядел доставшееся ему небогатое имущество. Обозами тут не пахло, вещи были из категории «все своё ношу с собой».

«Может ещё прибарахлюсь, со временем», – решил он и продолжил осмотр своей одежды. Не без труда разобравшись, как работает пряжка, снял с пояса ремень и покрутил его в руках. Ничего интересного. Открыл сумочку, которая, как оказалась, служила предыдущему владельцу кошельком. Внутри находилось с полсотни монет. Немного меди, серебра, но в основном золото.

Он вытащил на свет золотую монетку, и внимательно её изучил. Размером она была с царскую пятирублёвку. На одной стороне находился чей-то кудрявый профиль, с венком на голове. На другом какая-то надпись, похоже, что на латыни.

Вытащив ещё одну монетку, чуть мельче предыдущей, он обнаружил уже другой профиль, более упитанный и увенчанный короной. Цифр на них не было.

Взвесив сумочку в руке, подумал: «эх, знать бы ещё, много это, или мало?». По расценкам прежнего мира, где за 5 золотых рублей времён Николая II, на чёрном рынке давали до 500 долларов, сумма хоть и не астрономическая, но и не малая для повседневной носки.

Приснопамятный отец Фёдор, за всю свою жизнь, скопил куда меньше. Но что можно было за них купить в этом времени, было пока неизвестно. Ссыпав монеты обратно в кошель, и заодно спрятав в него снятые с пальцев перстни, он приступил к осмотру оружия.

Потянув за рукоять, вытащил саблю и внимательно её оглядел. Сабля напоминала казацкую шашку, но с более массивной рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Нездоровая страсть предыдущего владельца к драгоценностям начинала напрягать. Лезвие, хоть и гладко отполированное, было слегка выщерблено, свидетельствуя о низком качестве металла, из которого оно было изготовлено.

Сергей взмахнул саблей, пробуя баланс, и рука рефлекторно выполнила какое-то сложное движение, похожее на восьмёрку. Кажется, предыдущий владелец носил оружие не только для красоты. Память тела подсказывала, что обращаться с ним он умел.

Дополнительный осмотр одежды, тоже не дал много информации. В карманах не порошья, их попросту не было, ни на куртке-кафтани, ни в штанах.

Расшнуровал ботинки, под ними обнаружились не портянки, как он ожидал, а что-то вроде толстых носков, в форме валенок, только из ткани.

Несомненным было одно – все одетое на нем, оказалось ручной работы. Даже строчки на одежде, хоть и аккуратные, но сделаны были, явно, вручную.

Осмотр был закончен, а значит пришло время отвечать на вопросы и делать выводы. Решив сакраментальные «кто виноват и что делать?» отложить на потом, Сергей задал себе первый вопрос – «где я нахожусь?».

Ещё раз оглядев лес вокруг опушки, он понял, что окружающая растительность ответа на этот вопрос не даст. Смесь хвойных и лиственных деревьев, густых кустарников и сочной зелёной травы с одинаковым успехом могла произрастать как в средней полосе России, так и где-нибудь в Западной Европе.

Но он, все же, склонялся к мысли, что это должна быть Русь-матушка. Логика подсказывала, что если бы высшие силы, или кто там его сюда переправил, хотели изменить ход западноевропейской истории, то они, скорее всего, отправили бы на это дело кого-нибудь более подходящего. Какого-нибудь там арийца или англосакса. А раз выбрали его, русского, то и земля, по логике вещей, должна быть тоже русской.

Тогда, как говорил поэт, возникает следующий вопрос: «Какой сегодня нынче век, какая смута?».

Судя по одежде – средневековье, а судя по наличию в кошельке римских монет – средневековье раннее. Римская империя или существует, или развалилась совсем недавно, раз её монеты все ещё имеют хождение. Ведь если иностранные деньги попадали в казну какого-либо монарха, имеющего право и возможность чеканить монеты, то они, почти всегда, переплавлялись на кругляшки с физиономией этого самого монарха.

И дело было не в том, чтобы увековечить себя любимого, а в том, что в процессе переплавки, путём экспериментов с добавлением в золото меди или серебра, этих монет становилось значительно больше. А какой монарх избежит искушения пополнить казну таким нехитрым способом?

Когда там у нас Римская империя распалась, в 5-ом, в 6-ом веке? Хотя какая разница, Сергей настолько смутно помнил историю средних веков, что плюс-минус 100 лет большого значения для него не имело.

Ну а какая смута, какой переломный момент мог быть на Руси 5–6-го веков? В голову приходило только татаро-монгольское нашествие, но это было значительно позже. Разве что междоусобица, которая лет через 500 достигнет таких размеров, что придётся даже варяга звать «княжить и владеть». Может быть, по высшему замыслу, его предназначение и есть объединение земель русских намного раньше положенного срока?

А что, логично, объединённая Русь даёт отпор татарам. Поляки и шведы не отщипывают куски от ослабленной игом страны, и история идёт совсем другим путём.

Мысленно примерив на голову корону Рюрика, новоявленный собиратель земель русских поморщился. Нет, не сходится. Проблема не в объединении. Когда оно произойдёт, раньше или позже, для отражения нашествия большого значения не имеет. Проблема была в развале Киевской Руси. А чтобы его не допустить, заброску надо было осуществлять в 12-й век, и уже там пытаться сохранить первое русское государство. По крайней мере, это было бы логичнее.

А может сейчас и есть 12-й век, а монеты появились в кошельке случайно? Ну нашёл какой-то средневековый «чёрный» археолог римский клад, да и пустил в оборот. Если уж в 21-ом веке находят римские сокровища, то в 12-ом это сделать было не в пример легче.

Нет, на нем нет креста, причём в буквальном смысле. Натального крестика он на себе не обнаружил, а насколько он знал, в средние века это был обязательный к ношению атрибут. Отсутствие оно могло быть чревато самыми неприятными последствиями, вплоть до летального.

Значит, с некоторыми оговорками, принимается первоначальная версия: где и когда – Русь до её крещения, где-то между 5-м и 10-м веками. Вероятная цель – объединение раздробленных княжеств в единое государство.

Тогда возникает следующий вопрос, а кто он, собственно, такой и какой стартовый бонус дали ему пресловутые «высшие силы» для выполнения столь титанической задачи?

То, что он не крестьянин, не вызвало никаких сомнений. Не мог средневековый крестьянин носить оружие, да ещё и кошель с золотом на поясе.

А кто может? Купец, феодал, воин? Мог ли купец носить оружие? Купец, даже очень богатый, все равно оставался простолюдином и, следовательно, оружие носить не должен был, плюс кафтан его больше напоминал лёгкий доспех, чем одеяние торговца. Да и молод он был для серьёзного купца. Доставшееся ему тело, хоть и было старше его настоящего возраста, но не намного, лет может на десять, никак не более.

Воин? Воин мог носить оружие, да и возраст подходящий, но могла ли тогда у него быть с собой такая крупная сумма? Плюс перстни и сабля с драгоценными камнями? Вряд ли. Жизнь воина красива, но коротка. Напал, захватил добычу, спустил её. Накопительство не входило в перечень воинских привычек. Потому что плодами его, скорее всего, воспользовались бы, даже не наследники, а более удачливые коллеги с противоположной стороны клинка.

Разве что наёмник по окончании контракта, возвращающийся с добычей. Хотя вряд ли, перстни на пальцах сидели как влитые, то есть были изготовлены на заказ, а не сняты с поверженных врагов.

Нет, не воин. Феодал? С большой степенью вероятности, по крайней мере, этой версии ничего не противоречит, а значит не нужно создавать лишние сущности, и следует принять её как рабочую.

Итак, по предварительной версии, он перенесён, какими-то высшими силами в тело древнерусского феодала для свершения какой-то великой миссии, скорее всего объединения Руси.

Оставалось ещё множество вопросов, если феодал, то каков его статус? Более или менее ориентируясь в западноевропейской дворянской табели о рангах, во всяких там герцогах, графах, виконтах и шевалье, он абсолютно не помнил, а скорее всего, просто не знал, как называлась древнерусская знать.

Наверху, понятно, князь, а под ним кто, бояре? А как они различались – младший боярин, старший боярин? Были ли у них какие-то знаки различия?

В голове появилась картина степенных бородатых мужиков с лейтенантскими погонами на плечах. Мужики на вытяжку стояли перед князем, в увенчанной кокардой шапке Мономаха и лампасами на шароварах.

Нездоровое какое-то веселье. Слишком уж легкомысленно он относится к своему перемещению. Читая все эти попаданческие истории, Сергей часто ставил себя на место героев. А как бы он повёл себя в окопе, под Курской дугой, или в штыковой атаке, на Бородинском поле? Сохранил бы самообладание под татарскими стрелами или под взглядом Берии?

Героям, разумеется, все это было нипочём, а вот в себе Сергей не был так уверен. Тем удивительнее оказалась действительность. Перенесясь за сотни лет, из привычного родного мира, попав неизвестно куда и неизвестно в когда, да ещё в чужом теле, можно было ожидать чего угодно. Истерики, паники, апатии, наконец. Ничего этого не было. Он был совершенно спокоен. Ну, может, слегка взволнован. Простое осознание и принятие факта перемещения. Даже какая-то бесшабашная лихость и азарт – мол, где наша не пропадала.

Чем обуславливалось столь поразительное хладнокровие, личными качествами или всем попаданцам полагалось нечто вроде успокоительного при переносе, было не понятно, и он продолжил свой анализ.

Где находится его феодал, или как он там, на Руси, назывался – удел, вотчина? Почему ему не сиделось в своих хоромы «на кормлении», а занесло в этот лес, да ещё в одиночку? Каким образом он должен объединять князей, превыше всего ценящих личную свободу?

Может у него пронзительный взгляд появился? Жаль проверить не на ком. Или металл в голосе? Сергей даже принял величественную позу и громко произнёс:

– На колени смерды, головы рубить буду!

Больше, как одному литературному герою, кроме фразы «Милостиво повелеть соизволил», ничего старорусского в голову не приходило. Голос был как голос, более низкий, чем у него, с лёгкой хрипотцой, он ему даже понравился. Но вот то, что при его звуках все будут падать ниц и трепетать, вызывало глубокие сомнения.

Информации для более точных выводов и разработки планов на ближайшее будущее катастрофически не хватало. Надо было прекращать бесполезное гадание на кофейной гуще и начинать действовать.

Предварительный план был следующий: выйти из леса, найти людей и, крепко держа язык за зубами, дабы этот язык не довёл до тюрьмы или сумы, ловко вызнать реальное положение вещей. Приняв это решение, он поднялся на ноги, опоясался и двинулся в сторону леса, где, как ему казалось, чаща была не такой непроглядной.

Лес был странный. Нет, на первый взгляд ничего необычного. Зеленели деревья, по земле мягко стелилась трава, воздух был наполнен душистым ароматом трав и разогретой древесины, дикие пчелы громко жужжали, перелетая с цветка на цветок. По траве сновали букашки, муравьи, выстроившись в цепочку, двигались по каким-то своим, муравьиным делам. Чу, из-за куста, на мгновение, выглянула любопытная заячья мордашка и тут же скрылась обратно.

Сергей на секунду замер. Что это ещё за «чу»? Откуда оно взялось? Пришлось даже встряхнуть головой, чтобы отогнать эту непонятным образом влезшую в его мысли «некрасовщину» и усилием воли вернуться к прерванным рассуждениям.

Все выглядело очень живописно, но, в тоже время, что-то было не так. Как в детстве, когда бабушка водила маленького Серёжу гулять в парк, там было дерево с широкой, раскидистой кроной, которая, опускаясь до самой земли, образовывала такой себе природный шатёр, куда почти не проникали солнечные лучи.

Каждый раз, забираясь под это дерево, Серёжа представлял, что он находится в волшебном лесу, и где-то рядом могут прятаться Баба Яга или Леший.

Вот и сейчас у него возникло такое же чувство. Этот лес, несмотря на кипевшую вокруг жизнь, больше напоминал декорации из фильма «Новогодние приключения Маши и Вити», какой-то он был не настоящий. Казалось, ступишь за дерево, а оттуда вдруг выскочит кикимора или дикий кот Матвей.

Но кот Матвей из-за дерева не выскочил, наоборот, за деревом оказалась хорошо протоптанная тропинка. Ага, а вот и первые следы цивилизации, ну что ж, вперёд!

Когда-то Сергей читал, что половец обязательно должен сделать три вещи:

1. Рассказать все товарищу Сталину.
2. Набить морду товарищу Хрущёву.
3. Перепеть Высоцкого.

Причём последнее, у нормального половеца, стояло даже выше, чем спасение мира.

Если с первыми двумя пунктами, из-за особенностей средневековой действительности, могли возникнуть определённые трудности, то с последним все было вполне выполнимо. Тем более, его новый хрипловатый голос подходил для этой цели намного лучше прежнего юношеского фальцета. И, замурлыкав себе под нос «Идут по Украине, солдаты группы Центр», он бодро шагнул на тропинку и отправился покорять этот мир.

* * *

Где-то часа через два, энтузиазм и темп продвижения начали потихоньку спадать. Живот стал подавать знаки, что неплохо бы было и подкрепиться.

По дороге встретился небольшой ручей, из которого он напился удивительно вкусной ключевой воды. А вот с едой было не очень, предыдущий владелец его нынешнего тела запасов не держал, а самостоятельно найти что-то съедобное в лесу, для городского жителя, задача явно не тривиальная.

Тропинка без конца и края продолжала мягко стелиться под ноги, абсолютно не спеша выводить свежеепечённого половеца к обжитым людьми местам. Сергей уже не пел, а тихонько насвистывая «Если друг оказался вдруг...», вяло передвигал ноги, когда где-то сбоку раздался громкий девичий крик:

– Помогите, помогите!

Глава 3. Маша, волки и неправильные римляне

Мужчина может быть трусливым, может быть слабым или просто равнодушным эгоистом, но при звуке женского крика, первая реакция всегда будет одна – не раздумывая броситься на помощь. Это уже потом, когда включатся мозги, можно будет сделать вид, что ничего не заметил, пройти мимо или просто сбежать.

Сергея можно было назвать осторожным, но трусом он не был никогда. Как только крик достиг его ушей, он стремглав рванул сквозь кусты, по направлению к источнику звука. Включившаяся через мгновение осторожность заставила его чуть придержать шаг, и к проступающей сквозь редкий лес поляне он уже не бежал, а двигался быстрым шагом, стараясь ступать по возможности бесшумно.

В самом центре поляны стояла русоволосая девчушка лет восьми-девяти, одетая во что-то наподобие сарафана. Пухленькие щёчки, здоровый румянец на щеках, одеть ей на голову платок, и получилась бы вылитая Маша из мультика, который про неё и Медведя.

Она вертела головой по сторонам, периодически взывая о помощи. Причём испуга в её голосе не было совсем. Кричала она даже как-то весело. С таким выражением, обычно, торговки на базаре расхваливают свой товар: «Кукуруза, кукуруза, горячая кукуруза!»

Чуть замешкавшись, Сергей все же ступил на поляну. Заметив появление слушателя, девчушка с энтузиазмом замахала руками и заорала ещё громче и веселее:

– Дяденька, дяденька помогите, спасите, не дайте погибнуть!

Ещё раз оглядевшись по сторонам и не обнаружив никакой видимой опасности, он приблизился к девочке и заговорил:

– Здравствуй, красна девица! А поведай-ка мне, от какой беды-лиха спасти тебя надобно? – и запнулся от несуразности их диалога.

Девочка говорила с ним на обыкновенном русском языке, безо всяких там гой еси и добрых молодцев, а вот его понесло куда-то не в ту степь. Смущённо прокашлявшись, он продолжил уже нормально:

– Так что случилось, чего кричишь-то? Заблудилась, что ли?

– Нет, дяденька, не заблудилась. Волков я боюсь, съесть они меня хотят, – объявила девчушка, – проводите меня до дома, а отец награду малую даст, – и доверчиво вложила ему в руку свою ладошку.

Волков Сергей не боялся, волки просто так не нападают. Разве что сильно изголодаются. А если и нападут, то для здорового, сильного мужчины, да ещё и с саблей на поясе они не противники.

Привести девочку домой было заманчиво с точки зрения легализации. Одно дело, когда ты появляешься в чужом посёлке, да ещё в чужом мире, не зная местных реалий и обычаев, и совсем другое, если ты приведёшь к отцу заблудившуюся малолетнюю дочь, спасителю многое простить смогут.

– А дорогу домой хоть знаешь?

– Да тут недалеко, по тропинке, она прямо к посёлку нашему ведёт. Мы там на самом краюшку живём, – и добавила по-английски, – You won't miss it.

Затем, взяв опешившего спасителя за руку, потянула обратно в лес, из которого он только что вышел. Сергей, как сомнамбула, двигался за ней. Мысли в его голове бешено вращались, периодически сталкиваясь друг с другом и никак не желая выстроиться в хоть в каком-то стройном, логическом порядке.

Древнерусская девочка, говорит на чистом и достаточно грамотном современном русском, да ещё употребляет английские фразы. И при этом ..., закончить мысль не позволил громкий, угрожающий рык. Замерев на месте, Сергей медленно повернулся.

С противоположного краю поляны, из-за деревьев, медленно выходил огромный чёрный волк. Даже не волк, а настоящий волчара. Достигая в холке не меньше полутора метров, он больше походил на хорошо упитанного телёнка, чем на облезшую, худую помесь овчарки с дворнягой, которая сидела в вольере киевского зоопарка, под гордой табличкой «Волк обыкновенный». За ним двигались два его более мелких собрата.

Быстро задвинув девочку за спину, он слегка подтолкнул её, придавая ускорение по направлению к лесу, а сам принялся лихорадочно наматывать на левую руку свой ремень.

Умение в самый опасный и ответственный момент сохранять самообладание было, наверное, в их семье наследственным. Когда-то его мама, любившая включать в комнате магнитофон и забывать про него, почуяла с кухни запах дыма. Китайская техника, домотав кассету до конца, вместо автостопа «включила» функцию самовозгорания.

Открыв дверь в комнату, мать обнаружила набирающий силу пожар. Горел сам магнитофон, стол на котором он стоял, книжная полка над столом, начинали заниматься обои.

Анна Константиновна, несмотря на то, что была женщиной ранимой и впечатлительной, сперва, притаив из ванны несколько тазиков с водой, залила пожар, а затем уже пошла в соседнюю комнату терять сознание.

И у Сергея тоже были в жизни такие моменты. Когда Ася, открывавшая консервную банку, до кости разрезала палец, Сергей, в обычной жизни не выносивший вида крови и даже закрывавший глаза, когда по телевизору показывали подобные сцены, абсолютно хладнокровно, без каких либо эмоций сумел остановить кровь и наложить повязку.

Вот и сейчас, глядя на начинающее разбег чудовище, его мозг абсолютно спокойно, как калькулятор, прорабатывал последовательность действий. Раз – намотать ремень на руку, два – выставить руку вперёд, чтобы волк в неё вцепился, три – ударить саблей в брюхо.

Заметив, что волк начал семенить лапами, подстраиваясь под прыжок, он направил в его сторону левую руку с ремнём, жалея, что в ней нет какой-нибудь горящей головешки, которой можно было бы ткнуть тому в харю.

Он настолько явно представил, как пламя входит в раскрытую пасть, что на мгновение зажмурил глаза. Когда он их открыл, от его руки с ужасающим рёвом газовой горелки в сторону несущейся на него твари рвался поток огня.

Когда они встретились друг с другом, волк на мгновение превратился в пылающий огненный факел, который, правда, моментально затух. Атака прервалась, огромное животное сидело на задних лапах, ошарашенно трясая головой и как-то жалобно, по-щенячьи, поскуливая.

Сергей, не теряя времени, подскочил к нему и с размаху ударил саблей по голове. Удар не принёс ощутимого результата, кроме небольшого разреза на лбу, а вот рука мгновенно онемела. Волчий череп по крепости мог поспорить с камнем.

Оббежав волка, он, со всей силы налегая телом, вонзил саблю ему в бок, в то место где, предположительно, должно было находиться сердце. Наверное, попал, потому что, последний раз взвизгнув, гигантская туша начала медленно заваливаться на землю.

Как ни странно, но ни бушующий огонь, ни бесславная кончина вожака не испугали двух оставшихся зверей. Оба серых вскочили на ноги и, на какое-то мгновение замерев, как будто не могли поверить в то, что их чёрный собрат не смог самостоятельно справиться с такой, как казалось, слабой добычей, одновременно бросились в атаку.

Ширина поляны была метров тридцать. Много это или мало? Безусловно много, если это расстояние надо проползти на карачках, выпалывая сорняки на огороде, но безумно мало для разгоняющихся со скоростью стартующего мотоцикла хищников.

За те несколько секунд, которые оставались до столкновения, Сергей успел выбросить руку по направлению к одной из несущихся на него серых теней и представить рвущееся из неё пламя.

Получилось. Ставшая, на мгновение, огнемётом рука превратила одного из нападающих в огненный шар. Серые оказались значительно слабее своего чёрного собрата, опавший огонь обнажил лежащее ничком мёртвое тело. А вот вторая бестия, прыгнув, вцепилась в выставленную вперёд руку.

Покачнувшись от толчка, но, все же, устояв на ногах, он ловко вогнал саблю в мягкое, податливое брюхо повисшего на руке волка. Тот сразу обмяк и, разжав зубы, свалился под ноги.

Победа далась нелегко, сделав пару шагов от поля битвы в сторону леса, Сергей бес- сильно опустился на землю. Сердце бешено колотилось, воздуха катастрофически не хватало, по телу струился горячий пот, а изнутри стремительным потоком накатывало странное ощущение холода.

От осознания того, что он только что находился на волосок от гибели, наступил запоз- дальный шок. А ведь если бы не рука-огнемёт, ему бы не выжить в этой схватке. Если он едва устоял после прыжка мелкого волка, то большой наверняка сбил бы его с ног, а дворовое пра- вило «лежащего не бьют» тут бы точно не сработало.

Чуть отдышавшись, он завертел головой в поисках девчонки. Та никуда не убежала, сто- яла чуть в стороне и с каким-то нездоровым интересом осматривала поле битвы. Никакого страха на её лице не было. Наоборот, казалось, она сейчас захлопает в ладоши, как после захва- тывающего циркового трюка, когда дрессировщик вложил голову в пасть тигра, и вынул её обратной целой и невредимой.

Обошлось без аплодисментов. Подскочив к нему, девочка радостно защебетала:

– Ух, как ты его шаром огненным-то, а потом сабелькой бац, бац! Прямо как тот дяденька, который меня в прошлый раз спасти хотел.

– А чего хотел, не получилось что ли? – с сарказмом поинтересовался Сергей.

– Неа, сожрали его волки проклятые.

– А ты как же, сбежала?

– Не, меня тоже сожрали. Ух, чтоб им!

Да, «... а как же ты дедушка? А меня внучек немцы расстреляли!» вспомнился ему ста- рый анекдот. А девочка-то, похоже, не в себе. Не удивительно, от такого зрелища с сопутству- ющими переживаниями и у взрослого крыша поедет. Надо вести её домой, сдавать с рук на руки родителям, а то и в самом деле сожрут дурёху.

– Ладно, пошли уж, – сказал он, поднимаясь на ноги, но девчушка осталась на месте.

– Эй, ты чего? Идти не можешь?

– Надо отрезать у волков хвосты.

– Это ещё зачем?

– Трактирщик даст за них награду, надо отрезать хвосты.

– Ну, надо так надо, – обречённо вздохнул Сергей и, доставая саблю, направился к вол- чьим тушам. Он не стал рубить хвосты целиком, а отрезал по пушистой кисточке с их концов.

– Ну что, порядок? Теперь можем идти?

Девочка удовлетворённо кивнула, и они продолжили свой путь по тропинке.

Маша, как он её про себя прозвал, вприпрыжку бежала впереди, иногда сворачивая с тропинки, чтобы сорвать спелую ягоду с куста или какой-то цветок.

Парень почти не обращал на неё внимания. В голове опять завертелся хоровод мыслей. Он умеет выпускать огонь, классический файербол или, как его назвала девочка, огненный шар. И её это его умение ничуть не удивило, значит, раньше она уже такое видела, и он не один тут такой уникальный.

Кстати, надо будет узнать, а не дяденька ли, которого съели, шаром пулялся, или он только сабелькой бац-бац делал. Так что это если не магия? Вот чего-чего, а магии в Древней Руси точно не было. О ней, в какой ни будь «Повести временных лет», точно бы упомянули.

Направив руку вверх, он опять представил вырывающееся из неё пламя. Ревущий поток огня, постепенно затухая, унёсся в небо, а внутри опять появилось неприятное чувство холода, которое, впрочем, быстро проходило. Сергей попробовал выпустить несколько файерболов подряд, но ничего не вышло, только чувство внутреннего холода усилилось, да аппетит опять разыгрался.

После ряда экспериментов, выяснилось следующее: пока не пройдет чувство холода, запустить следующий шар не получится, и после каждого выстрела времени на восстановление уходит все больше и больше.

Ну и что это, если не магия? Магия, конечно. А значит, вся стройная цепочка его логических рассуждений рассыпалась в прах. Перенесло его не в Древнюю Русь, а в самый, что ни на есть настоящий магический мир. И задача перед ним стоит, отнюдь, не объединение Руси, а ..., что там попаданцы в мире магии делают? Ловко спасают его, конечно, а от чего? Все проблемы в основном начинаются с того, что кто-то решает спасти мир, но сомневается от чего. А спасать обычно надо от Тёмного Властелина. Сражаться с ним Сергею очень не хотелось.

Если какие-то волки его едва не перемножили на ноль, то уж местный Властелин сожрёт новоявленного мага с его скромными умениями, точнее одним умением – запускать файерболы, даже не поперхнувшись.

Да и в целом, быть на светлой стороне силы утомительно. Положительные герои все время что-то делают: мир ловко спасают, со злодеями бьются, короче, там работать надо. Лучше уж Тёмным Властелином быть, знай себе, делай всякие пакости и никаких забот.

И вообще, хватит опять гадать на кофейной гуще, надо собирать информацию об этом мире, и выводы делать на основе фактов, а не досужих вымыслов.

Для начала, например, попробовать аккуратно расспросить «Машу». Толку от девочки младшего школьного возраста, да ещё и со сдвигом в голове, вряд ли будет много, но попробовать-то можно?

Та перестала носиться вокруг и стояла, восторженно раскрыв рот, при виде устроенного дядей волшебником бесплатного фейерверка.

Прокашлявшись, Сергей осторожно начал разговор:

– Из-за этих волков мы так и не познакомились. Как же тебя зовут?

Поняв, что зрелище закончилось, девчушка немного разочарованно перевела взгляд на него и, изобразив нечто вроде книксена, очень напомнившего те нелепые реверансы, которые исполняла британский премьер-министр Тереза Мэй перед членами королевской семьи, совсем по-взрослому представилась:

– Виктория Фома, сударь.

– Хм, очень хорошо, а я ..., – тут он задумался, называться своим настоящим именем было не разумно, вряд ли оно имело хождение в этом мире и могло вызвать много ненужных вопросов.

Назваться римским именем? Тем более что Виктория, это от Виктор, а Виктор это полатыни победа, а значит, римские имена тут в ходу. Но это тоже будет выглядеть странно, имя местное, а сам явный чужестранец. Да и не помнил он римских имён, разве что всяких там императоров: Юлий Цезарь, Октавиан Август, Лев Фракиец, но последний вроде византийский был.

Хотя, Лев, вроде как имя, а вроде как и нет, всегда можно будет сказать что это прозвище, а с именем попозже определиться. А вторым именем можно своё переиграть, тоже на прозвище будет похоже. Значит, пока придётся побыть Серым Львом, а дальше будет видно. Приняв решение, он продолжил беседу:

– ... а меня можешь называть Лев, – и добавил, – Лев Серый.

Ничего не ответив, та ещё раз изобразила танец беременной утки и преданно уставилась ему в глаза.

– А скажи-ка мне, Виктория, где вы с отцом живете?

Вздыхнув от столь глупого вопроса непонятливого взрослого, та ответила:

В домусе, конечно, где же ещё?

– Ах да, ну конечно же, в домусе. А домус большой, сколько в нем комнат?

– Одна.

– Ну да, правильно, меньше и смысла нет. А где ваш домус находится?

Взглянув на него уже совсем разочарованно, девочка махнула рукой куда-то вперёд, по направлению их движения.

– Хорошо, очень хорошо. А домус стоит в городе? – подошёл он с другого бока.

– Не, город там, – она махнула рукой в противоположную сторону.

– Ага, значит там город. И как он называется?

– Город, – ответила Виктория, явно теряя интерес к такому бессмысленному разговору.

Новоявленный Лев предпринял последнюю попытку что-то выведать у слабо разбирающейся в географии девочки.

– А чем твой отец занимается?

– Он награду даёт, тем, кто меня от волков спасает.

– Ну, а ты сама, чем занимаешься? В школу, наверное, ходишь?

– Я в лес хожу, чтобы меня от волков спасали, – ответила та и, окончательно потеряв к нему интерес, побежала в сторону какого-то куста, где алели редкие красные ягоды.

«А разговор-то не задался», – подумал Сергей, и они продолжили свой путь.

Девочке скоро надоело носиться кругами, она подбежала к своему спасителю и взяла его за руку. Какое-то время они молчали, затем Виктория спросила:

– А ты о чем сейчас думаешь?

– Да так, ни о чем...

– И я ни о чем! – обрадовалась та общности интересов.

Сергей рассеянно ответил:

– Тебе-то легче, у тебя мозгов нет..., – и, встрепенувшись, посмотрел на девочку, не обиделась ли? Вроде нет, она явно думала ни о чем или, как сама выразилась, ни о чем не думала. Или просто не поняла смысл сказанного, с мозгами у неё, действительно, были явные проблемы. И дальнейший путь они продолжили уже молча, каждый думая, или не думая о своём.

Идти пришлось недолго, уже через полчаса субъективного времени (часы отсутствовали), они вышли из лесу на опушку, с которой начинались аккуратные лоскутки полей-огородов. За ними виднелся небольшой посёлок, окружённый деревянным частоколом. Лесная тропинка превратилась в вымощенную булыжником дорогу с рваными, без бордюров, краями. Они двигались по ней к распахнутым настежь воротам.

На воротах никакой охраны не наблюдалось. Охрана, в виде вооружённых копьями молодых людей, курсировала между краем леса и огородами, на которых копошились какие-то люди, откровенно крестьянской наружности. На путников посматривали с интересом, но не более.

Миновав ворота, они не стали углубляться вглубь посёлка, а повернули в сторону, к стоявшему прямо возле частокола солидному каменному дому.

Виктория по-прежнему скакала впереди, а Сергей старательно крутил головой, стараясь получше рассмотреть первый увиденный им населённый пункт магического мира.

На первый взгляд ничего необычного, разве что необыкновенно чисто, и неизменный атрибут отечественных деревень и весей – заборы отсутствовали напрочь.

Но долго изучать окружающую обстановку не получилось, они уже приблизились к цели. Возле дома, скрестив руки на груди, стоял высокий красивый мужчина, лет сорока-сорока пяти. Орлиный нос, короткие кучерявые волосы, на которые так и просился лавровый римский

венки, и диссонирующая с этой внешностью античного героя одежда – похожий на Сергеев «кафтан» и штаны, только не из кожи, а из какой-то плотной сероватой материи.

Виктория подбежала к мужчине, радостно его обняла, затем отстранилась и представила спутника:

– Отец, это дядя Лев Серый, он меня от волков спас.

Тот потрепал девчущку по голове и представился сам:

– Ну, здравствуй господин хороший, привет тебе, а я Виктор Фома, фермер, и я благодарю тебя.

Он слегка склонил голову, как бы подчёркивая свою благодарность, хотя в тоне, которым он это произнёс, особой благодарности не чувствовалась. Таким тоном, обычно, благодарят в общественном транспорте, когда передают за проезд.

Сергей, если честно, был слегка разочарован, не на такую реакцию он рассчитывал. Даже если бы девочка просто заблудилась в лесу, это уже стресс для родителей, а тут любящему папаше говорят, что его чадо чуть волки не сожрали, а он – «благодарю тебя». Между тем фермер продолжил:

– И сколько волков было в этот раз?

И опять его тон показался ему каким-то неправильным, как будто преподаватель интересуется очередной причиной опоздания на пару, мол, что вы на этот раз придумали. Сергей сухо ответил, чётко проставляя ударения:

– В ЭТОТ раз их было три. Один чёрный и два серых.

– Один чёрный говоришь, – и, повернув голову, проговорил, как бы ни к кому не обращаясь, – мало того, что у страха глаза велики, так у многих они ещё и на заднице растут. И что, вот так взял и зарубил их этой... – он, сделав паузу, и скосив уничижительный взгляд на разукрашенную драгоценными камнями рукоять, закончил, – ... сабелькой?

– Кого зарубил, кого огнём пожёг, а кого и то и другое. – Сергей предъявил фермеру кончики отрезанных хвостов. Голос фермера сразу потеплел.

– Так ты маг?

– Есть немного.

– Не признал сразу, а мог бы догадаться. Раздобрел, теряю хватку, – он горестно вздохнул, – глянул, что руки голые, а маги-то они все с камнями, сколько на пальцы налезет, носят. Прошу в дом, – и приглашающе махнул рукой.

Внутри дом выглядел пустовато. Шкаф, большой стол с двумя лавками посередине и огромный сундук в углу, возле ведущей на второй этаж лестницы.

Хозяин достал из шкафа два высоких кубка, налил в них вино из непрозрачной глиняной бутылки и, протянув один из них магу, продолжил свою речь:

– Виктория, она не совсем мне дочь, я же не из местных, с легионом сюда пришёл. Предложили остаться, местных поучить. Места здесь беспокойные, до города далеко, а до леса близко. Эльфы тёмные пошаливают, да и прочей нечисти хватает. Бароны ихние, они хоть и мечом горазды помахать, только кто из них сюда поедет, да ещё с чернью возиться. Вот мне и предложили.

А что, платят неплохо, землю под ферму дали, дом. Я и прижился, говор ихний освоил, как видишь. Молодняк, кого покрепче, учу с оружием управляться, ополчением команду, как набег.

Отца Виктории, кузнеца местного, эльфы тёмные забрали, а от них, сам знаешь, не возвращаются. У неё тогда и имени-то не было, это я ей своё уже дал, когда она ко мне прибилась.

А что, хоть не так одиноко и за ней присмотр какой-никакой. Да только лес её фортуна, вот и тянет туда. А что я сделать могу, на цепь ведь не посадишь. Вот и плачу награду, кто приводит её, на мне теперь фортуна её. И тебе топор дать должен, да ведь не нужен он тебе? – и он вопросительно глянул на гостя.

– Не нужен, – согласился Сергей.

– А награду дать должно, без этого непорядок будет. Подумай тогда сам, чем я тебя отблагодарить смогу?

– Есть у меня одна беда, память у меня отшибло. Может где досталось по голове крепко, ничего не помню, а это, знаешь ли, напрягает. Ты бы мне рассказал, где мы, какой тут город поблизости, ну и вообще, что у вас тут и почём.

– Что у нас тут и как, я тебе и так расскажу, а награду я тебе дать все одно должен, моя фортуна теперь. Вот, возьми, – он подошёл к сундуку и, раскрыв его, вынул небольшой охотничий нож в кожаных ножнах, – у тебя нету, а пригодиться завсегда может.

А находимся мы в славном королевстве Аркания, почти на самом его краю. Ближний город, Мескарель, в двух днях пути от нас будет. За ним только Пуэрто-Драко, а там уже и пустыня Катахари начинается.

«Очень информативно», – подумал Сергей.

– А Рим, хоть, в какой стороне?

– О каком Риме ты говоришь?

– Ну ты-то кто? Откуда твой легион пришёл?

– Я? Из Претории, конечно. Странный вопрос, ты что ж и этого не помнишь? Мне тоже память доводилось терять и не раз, но, что было изначально, я никогда не забывал. Да и чтоб другие забывали, не слышал про такое.

– А я вот не помню, видно мне особо сильно по башке досталось.

– Это странно, очень странно. Тебе в город надобно, к магам, глядишь, кто и поможет. До столицы, конечно, далеко, но и в Пуэрто-Драко кое-кто есть. Не самые сильные, конечно, но город приграничный, совсем без магов никак нельзя. Лучшие, они понятно, как беды наши начались, в столицу посбегали, шкурки свои берегут, а на границу их за провинности всякие отправляют.

– А как до этого вашего Пуэрто-Драко добраться, подскажешь?

– Не доберёшься ты сам, граница тут совсем близко, тут не только лесные тёмные, к нам и орки забредают. Тут и рейнджеру в одиночку не пройти, а уж магу и думать не смей.

Ты вот что, мой центурион бывший, он хоть из всадников, но тоже тут остался. Хотя, это он остался, это я тоже, уже за ним, ну и пара наших ещё. Сам, быть может, и не решился легион бросить, но не об этом речь. Они из местных, кого я обучил и кто покрепче, ватагу сколотили, караваны сопровождают. Не легион, конечно, но с какого конца за копьё братья понимать имеют.

Так вот, они сейчас с караваном ведомым у нас стоят. Завтра на границу уходят. Иди в таверну, найдёшь там центуриона Люция Верона, попросишь взять с собой. Скажешь от декана Виктора Фомы, это я, коль забыл, хе-хе память-то у тебя слабая, – он хлебнул из бокала вина, которое уже начало оказывать своё действие, приведя бывшего «декана» в весьма благосклонное расположение духа, и продолжил, – скажи, что я поручаюсь. А что? Могу. И прав буду! Ты дочь мою от волков отбил? Отбил. Не хлипок, значит, обузой не будешь, а где и помочь сможешь. Вот прямо сейчас и иди. Пошли, Лев Серый, дорогу укажу.

И взяв Сергея под руку, потянул того к выходу. Выйдя из дома, он махнул рукой куда-то в сторону центра посёлка и сказал:

– Вот прямо по дороге и иди, там у нас таверна и постоялый двор и, икнув, добавил, – won't miss it. А хвосты трактирщику отдашь, за них награда от общества положена.

Сергей, пожав плечами, двинулся в указанном направлении. По дороге он не столько изучал однообразную архитектуру посёлка, сколько размышлял над полученной информацией, стараясь как-то разложить её по полочкам. Та раскладываться не хотела, и на полочках зияли огромные прорехи.

Римские легионы с центурионами и, как их там, деканами есть, а самого Рима нет. Вместо него какая-то Претория, которая вроде как в его мире в Южной Африке была. Там были зулусы, апартеид, Нельсон Мандела, до этого англо-бурская война, но никак не легионеры.

Сами они находятся в каком-то королевстве, где водятся эльфы, орки и ещё кто-то. Маги в этом мире тоже есть, но у них какая-то беда случилась, и они в столицу сбежали. Неплохо было бы узнать какая именно, может это и его касается, и ему тоже бежать надо, но натурализованный легионер и так подозрительно на него глядел, явно не очень веря в столь сильный удар по голове. И что значат его слова, что он тоже память терял и неоднократно? Тут что, амнезия воздушно-капельным путём передаётся?

За этими размышлениями, он не заметил как вышел на небольшую площадь, в центре которой стоял двухэтажный каменный дом с вывеской «Fat Cat». Для непонятливых, была изображена откормленная кошачья морда с толстым куском домашней колбасы во рту.

Внутри царил расслабляющий полумрак. Тусклый вечерний свет едва проникал через маленькие, но достаточно чистые, для заведения общепита, окна. Несмотря на самое подходящее для позднего ужина время, заведение, практически, пустовало. Из десятка массивных дубовых столов занято было только два.

За одним сидела пара, судя по внешнему виду, крестьян, которые вели неспешную беседу, что-то потягивая из огромных глиняных кружек. За вторым сидело трое мужчин, одетых более прилично и при оружии.

Хотя на них были одеты не римские тоги, а вполне обычная одежда, но коротко остриженные вьющиеся волосы и лица, лица древних римлян, но не те утончённо-брезгливые, периода упадка империи, а решительные, волевые с гордыми «грузинскими» носами двоих из них не оставляли сомнения в их национальной принадлежности.

Третий, хоть и не обладал выдающимся носом, но компенсировал этот недостаток лихими, закрученными вверх усами, чем необыкновенно походил на героя гражданской войны – Василия Ивановича Чапаева.

Направившись сперва к предполагаемому трактирщику, а кем ещё мог быть мужчина в переднике, протиравший за небольшой стойкой бокалы какой-то грязной тряпкой, он молча выложил перед ним трофейные хвосты. Тот, бросив на них мимолётный взгляд, смахнул хвосты за стойку и также молча выложил перед собой пару монет. Сергей подвинул их обратно и сказал:

– А сообрази-ка мне, любезный, что-нибудь перекусить, ну и выпить соответственно, – и, глядя как исчезают деньги, грустно добавил, – сдачи не надо.

Любезный кивнул и, оставив в покое свои кружки, двинулся куда-то вглубь помещения.

Разместив заказ, Сергей направился к орлиноносой троице, по дороге продумывая свою речь.

Это же все-таки не фермер, а всадник. Насколько ему помнилось, в Риме это было нечто вроде дворянского звания. Тут надо не ударить лицом в грязь. Как, кстати, на латыни здравствуй – салют? Нет, это по-французски, там какое-то смешное слово было, веселись? Нет, не веселись, как-то по-другому. Откуда-то из памяти выплыло слово «радуйся». Вроде оно? Точно, радуйся. Дурацкое приветствие, ну да ладно. Он направился к столу, на ходу прислушиваясь к их разговору.

А «грузины» вели неспешную беседу. Об извечном, об мужском – о бабах.

– ... красоты она была чудной, такой неописуемой, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления её не найти, – увлечённо рассказывал один из орлоносых мужчин, одетый более богато, чем остальные, – губы её нежнее роз, а уста её слаще мёда, поцелуй же её пронзал меня сильнее пчелиного жала. Часто я козлят целовал, целовал и щенят, и телёнка, но её поцелуй – что-то новое. Страсть моя распалялась и не давала покоя, не оставляя в голове мыслей ни на что другое.

Вот и стал её просить, чтобы она уступила в том, чего я желал более всего: нагою с нагим полежала бы со мною. «Ведь это одно, – говорил я, – осталось, чего не исполнили мы. Единственно здесь ведь то средство, что нашу любовь успокоит. Целовались мы – и без пользы; обнимались – лучше не стало. Так, значит, лечь вместе – одно лишь лекарство от любви. Испробуем и его: верно, в нем будет что-то посильней поцелуев».

Когда же она задала вопрос, что ж есть ещё больше, чем целовать и обнимать, и что же ещё я делать задумал, если будем мы, оба нагие, вместе лежать, я ей отвечал: «То же, что бараны с овцами и козлы с козами. Разве не видишь, что после того, как дело сделано, овцы и козы от них не бегут, а те не томятся, гоняясь за ними, но, как будто взаимно вкусив наслаждения, вместе пасутся. Видимо, дело это сладостно и побеждает горечь любви». – «Но разве не видишь ты, Люций, что и козлы с козами, и бараны с овцами все это делают стоя, и козы и овцы, тоже стоя, их принимают. Те на них скачут, они же спину им подставляют. А ты хочешь, чтоб я вместе с тобою ложилась, да ещё и нагая; смотри, ведь их шерсть гораздо плотнее моей одежды».

Пока мы так говорили, у обоих в душе и теле проснулось сильное желание. Наконец, доведённая невыносимую страстью до ужасного возбуждения, она поддалась уговорам моим. Сбросив все одежды, раздевшись догола, мы совсем нагие, вместе улёгшись рядом на траве и долгое время лежали, обменивались тысячей поцелуев, стараясь, чтобы наслаждение наше обрело силу.

Красота её тела звала и влекла к наслаждению. Уже то и дело смыкались наши уста и раздавались звонкие поцелуи; уже переплелись наши руки, изобретая всевозможные ласки; уж слились в объятии наши тела, и начали понемногу соединяться и души.

Не умея то сделать, к чему страстно стремился, я поднял её и, сзади обняв, к ней прижался, козлам подражая. И, ещё больше смутившись, сел и заплакал: неужели ж я даже баранов глупее в делах любви?

Увидев горе моё, она ко мне прижавшись, принялась обнимать и утешать, ненароком наведя на ту дорогу, которую я до сих пор безуспешно отыскивал. А потом уже все оказалось простым и понятным: природа сама научила остальному.

Бессонную ночь провели мы тогда, меньше спали, чем совы ночные. По примеру этой ночи прибавили к ней и других подобных немалое количество.

Приблизившись к столу, Сергей дождался пока мужчина закончит делиться с собутыльниками подробностями своего первого сексуального опыта, вежливо прокашлялся и вмешался разговор:

– Радуйтесь, я хотел бы поговорить с центурионом Люцием Вероном, не знаете где его можно найти?

Все трое недоуменно переглянулись, и рассказчик, который сидел в центре, ответил:

– Радуйся и ты незнакомец, если у тебя есть чему. Все центурионы остались в Претории, а я начальник охраны каравана, бывший центурион Люций Верон, не меня ли ты ищешь?

Тут Сергей запоздало вспомнил откуда именно из его памяти вылезло это дурацкое «радуйся» – из книги «Легенды и мифы Древней Греции», именно так приветствовали друг друга древние греки. А для этих неправильных римлян, которые, скорее всего, о греках и слыхом не слыхивали, оно прозвучало не просто дурачки, а совсем по-идиотски. Слегка покраснев от смущения, он продолжил:

– Меня зовут Серый, Лев Серый, – поправился Сергей. В голове мелькнула мысль, – «Что я тут за бондиану развёл? Прямо как Бонд, Джеймс Бонд. Интересно, а если бы на моем месте был Ван Дамм, как бы он представлялся? Дамм. Ван Дамм. Жан-Клод Ван Дамм? Да что за ерунда в голову лезет?!», – он встряхнул головой, усилием воли изгоняя посторонние мысли и продолжил, – мне посоветовал к вам обратиться ректор, бывший ректор, Виктор Фома...

– Ректор? – с удивлением перебил его Люций Верон, – я хорошо знаю Виктора Фому, он был деканом в моей центурии, но ректором он никогда не был. Или ты говоришь о каком-то другом Викторе Фоме?

Сergeй совсем смутился, вот так не ударил лицом в грязь!

– Да нет, мы говорим об одном и том же человеке, я просто немного перепутал. У меня тут, понимаете ли, с памятью некоторые проблемы.

– Перепутал ты совсем не немного, но мы понимаем, – серьёзно кивнул бывший центурион, – так о чем ты хотел поговорить со мной?

– Мне надо попасть в город, этот, как его, Порто–Драконо и ваш ректор, то есть декан, то есть бывший декан, ну Виктор Фома, короче, он посоветовал к вам обратиться. Сказал, что сможет поручиться за меня, вот.

Сergeй окончательно запутался и покраснел.

– Мы действительно идём в Пуэрто-Драко, – задумчиво проговорил Люций Верон, скептически оглядывая собеседника, – и лишний боец нам совсем бы не помешал, этот участок пути всегда был достаточно опасным. Но просвети меня, что могло заставить Виктора Хому поручиться за тебя. В нем говорило выпитое с тобой вино или у него были для этого иные основания?

– Может то, что я убил трёх волков? Одного серого и двух белых, то есть двух серых и одного чёрного.

– Что, вот этой ... саблей? – неподдельно изумился Люций.

История повторялась, Сергей тяжело вздохнул и ответил:

– Маг я, файерболом, то есть огненным шаром их спалил. Саблей только добивал.

– Маг? Тогда понятно. Расскажи про себя коротко.

– Ну, я – это я.

Собеседник улыбнулся:

– Не настолько коротко. Какие ещё боевые заклинания ты знаешь?

– Огненный шар и все.

– И все? – бывшие легионеры недоуменно переглянулись. – Это мало, очень мало, даже для потерявшего память, – голос Люция явно поскучнел, – а как часто и на какое расстояние кастуешь?

– Метров на тридцать, где-то раз в пять секунд, то есть ударов сердца. Потом пореже.

Его собеседники опять переглянулись, теперь уже изумлённо.

– Тридцать метров, пять секунд – это серьёзно, это очень серьёзно. – Задумчиво протянул Люций Верон. – И, кстати, Лев, я не плебей и знаю что такое файербол и что такое секунда, можешь говорить со мной нормально. В общем так, три золотых тебя устроит?

Сergeй обречённо полез в свою сумочку и, достав золотые монеты, выложил их на стол.

– Это что? – глаза у Верона изумлённо полезли на лоб.

– Как что? Три золотых.

– Ты не понял, это я приглашаю тебя присоединиться к охране каравана, за три золотых в день. Еда и кров за счёт нанимателя, устраивает?

Сergeй молча кивнул.

– Вот и отлично! Переход будет тяжёлым и маг нам совсем не помешает. Это мои помощники, Валерий Солон и Стасий Фалько. Валерий был деканом в моем легионе, а Стасий командовал десятком городской стражи. Ныне обадесятники в караване.

Тут к их столу подошёл трактирщик с какой-то доской, выполняющей роль подноса, на которой стояли дымящаяся миска и глиняный кувшин. Люций знаком показал чтобы еду поставили на их стол и продолжил:

– Присаживайся, – он жестом указал на принесённую еду, – за это заплатишь сам, а с завтрашнего дня ты на нашем довольствии. Переночевать можешь здесь, трактирщику я скажу. Завтра с рассветом выходим, будь готов. Все, не будем тебе мешать, до завтра.

Бывшие легионеры поднялись и направились к выходу, а Сергей наконец-то набросился на еду.

В миске была какая-то каша с кусками мяса, а в кувшине вино. Еда была необыкновенно вкусной, Сергею казалось, что в своей жизни он не ел ничего вкуснее. Хотя, может он был просто очень голоден. Ведь не зря говорят, что на голодный желудок невкусной еды не бывает. Он старался есть не очень жадно, но миска быстро опустела, а за ней и кувшин с невероятно кислым, сильно напоминающем знаменитое «Бургундское» вином.

В своё время Сергей не удержался и купил на пробу бутылку столь разрекламированного писателем Дюма напитка. На вкус любимое пойло мушкетёров короля напоминало уксус, на бутылку с которым, по недоразумению, наклеили винную этикетку. Тогда оно было с презрением вылито, сейчас же он оказался менее привередлив.

Подойдя к трактирщику, Сергей попросил проводить его в свою комнату и прямо в одежде завалился на низкий топчан, застеленный какой-то звериной шкурой.

Молодой человек лежал на спине и бессмысленно таращился в потолок. День полный приключений, которых иному хватило бы на всю жизнь, не вызывал у него никаких эмоций. Наверное, он просто перегорел и был уже не способен ни думать, ни анализировать, ни даже удивляться всему произошедшему.

Так он и лежал в состоянии какого-то умственного оцепенения, пока его, наконец, не сморил долгожданный сон.

Глава 4. Ох, рано встаёт охрана

– Тревога, тревога, нападение! – прорвался сквозь сон испуганный детский крик.

Сергей пришёл в себя уже на ногах, руки лихорадочно застёгивали пояс с саблей, а ноги сами несли его прочь из комнаты. Казалось, тело действовало само по себе без его участия. Он выскочил в коридор и, заметив кубарем скатившееся по лестнице тело мальчишки-прислужника, бросился следом.

В зале царил неторопливая суета. Большинство посетителей сидело за столами, спокойно поглощая нехитрый завтрак. Трактирщик, с пустым подносом, целенаправленно двигался к своей стойке, а несколько человек, с походными сумками в руках, что-то обсуждали у дверей.

Сергей остановился и окинул трактир взглядом. Посетители вели себя на удивление мирно и буднично. Никто не размахивал оружием, в дверь не ломились вооружённые люди. Даже неизменных спутников любого сражения, испуганных или яростных криков и тех не было слышно. В целом, обстановка в заведении никак не походила на отражение вражеской атаки.

В дальнем углу он заметил Люция Верона, и испуганно жавшегося к нему пацанёнка. Потихоньку вскипая, он направился в их сторону с явным намерением надрать шутнику уши. Заметив его сердитое лицо, мальчишка явно струхнул, понимая, что по голове его гладить никто не собирается. Сергей уже начал демонстративно закатывать рукава, но был остановлен голосом центуриона:

– Не гневайся на этого юношу, благородный Лев, – сказал тот, поднимая руку в приветствии и как бы останавливая его. – Сон твой был крепок настолько, что, несмотря на все свои усилия, он так и не смог тебя разбудить. Я взял на себя смелость посоветовать ему старый способ легионеров. И как вижу, он сработал, – Люций приветливо улыбнулся, добавив, – меч ли в руках или магический жезл, воин всегда остаётся воином, а боевой маг, по сути своей, тот же воин. А ничто так не бодрит дух воина, как чувство близкой опасности. И я рад видеть тебя в бодром здравии и готовности к сегодняшнему дню, который будет нелёгким. Присаживайся за стол и отведай нашей скромной пищи.

Он широким жестом указал на свободное место возле себя. Сергей, успокаиваясь, присел за стол, по пути не удержавшись и выделив символический подзатыльник побледневшему от испуга пареньку, на который тот, впрочем, нисколько не обиделся. Скорее, был рад, что за шутки с боевым магом отделался так легко. Похоже, принцип: «А мог бы и шашкой рубануть» действовал и в этом мире.

Не ускользнул от внимания и выданный авансом комплимент про боевого мага. Вероятно, Люций действовал по принципу – как мага назовёшь, так он и колданёт. Хотя приставка «боевой» немного смущала. Веяло от неё чем-то очень опасным. В голове промелькнула картинка выскакивающих из окопов бойцов, упал сражённый пулей знаменосец, сербские женщины с табличкой «Я мишень» печально смотрели в небо и трупы, трупы, трупы... И не факт, что эти трупы были исключительно вражеские.

Где-то, в углу картинки, лежал заваленный мёртвыми телами человек в изорванной мантии, очень похожей на кафтан Сергея, а возле него валялся сломанный пополам жезл.

Интересно, а как тут со статистикой смертности у боевых магов? Получать орден имени какого-нибудь местного знамени, с гордой приставкой «Боевой» и ещё, не дай Бог, посмертно не хотелось. Но что делать, назвался груздем, полезай в кузов.

Сергей вздохнул своим невесёлым мыслям и приступил к еде. Завтрак не сильно отличался от своих собратьев, предлагаемых в недорогих европейских отелях. Кувшин с молоком, свежие, ещё тёплые булочки, масло, вместо джема – мёд в глиняном блюдецке. Для полного

комплекта не хватало только кофе. Кофе он любил, если в этом мире он отсутствует, то это будет большой потерей.

Макнув булку в мёд, он налил себе молока и ещё раз оглядел зал. Несмотря на ранний час, трактир был, практически, заполнен. Посетители, в основном молодые крепкие парни, неторопливо поглощали тот же стандартный набор продуктов питания, который был на столе у Сергея. Надетые на них грубые кожаные куртки, пошитые на манер доспехов и сваленное возле столов оружие не оставляли сомнений, что это и есть охрана каравана. Те самые ребята из местных, которые, как говорил Виктор Фома, хоть и не легионеры, но с какого конца братья за оружие разумение имеют.

Охранники, заканчивая еду, вставали из-за столов и выходили во двор. Зал уже почти опустел, как бы намекая, что труба зовёт и сильно расслаиваться не рекомендуется. Сергей торопливо дожевывал свою булочку, сделал большой глоток невероятно вкусного парного молока и двинулся следом за остальными караванщиками.

Двор встретил шумом, гамом и слепящим солнечным светом, особенно ярким после полумрака помещения. Оживлённый людской муравейник тянулся к стоящим за воротами мощным, тяжелогружённым телегам. Массивные двойные борта из толстых досок, металлические защёлки по углам придавали им сходство с кузовом грузового ЗИЛа. Только вместо кабины спереди располагалась упряжь с лошадьми.

Выстроившийся в ряд хвост из телег и лошадей чем-то неуловимо напоминал готовящийся к отправке поезд. Это сходство усиливала лёгкая привокзальная суматоха. Люди подбегали к телегам, закидывали в них какие-то сумки, скорее всего не товар, а личные вещи и снесь. Кто-то оставался и залазил в телегу, кто-то убегал за новым грузом. Какой-то мужичок, до боли напоминавший путевого обходчика, проверял копыта у лошадей. Все вокруг указывало на то, что процесс сборов был близок к завершению.

Двери таверны в очередной раз распахнулись, и в проёме показался Люций Верон. Выйдя на улицу, он остановился и окинул процесс сборов хозяйственным взглядом. Суeta усилилась, даже те, кто уже занял свои места, вскочили и забегали вокруг телег. Похоже, что старый армейский принцип: «Спокойно лежащий на койке солдат, с приходом командира, сразу превращается в нагло валяющегося», тоже имел здесь силу.

Заметив скромно стоявшего в уголке Сергея, Люций неспешным шагом подошёл к нему и поманил за собой, рассказывая на ходу:

– Лев, все мои люди не первый раз в походе, и каждый знает своё место и задачу. Ты же с нами впервые, поэтому выслушай мои наставления. Участок пути отсюда до Мескареля весьма опасен. Здешние леса густые и кишат тёмными эльфами. Редкий переход обходится без их нападения.

Тактика у них однообразная, но эффективная. Они не пытаются задержать караван, понимая, что в случае успеха будет битва, в которой многие сломают свои головы. Поэтому, все свои усилия они прикладывают к тому, чтобы обездвижить последнюю повозку. Иногда бывает разумнее бросить малое, чем останавливать караван и рисковать всем грузом.

Мы это понимаем и на этом их расчёт. Но допускать потери груза нежелательно. Мы взяли караван под охрану и отвечаем за его сохранность. Стоимость груза, потерянного в пути, будет вычтена из жалованья охраны, в том числе и из твоего.

Ты поедешь именно в этой повозке. Наши стрелки постараются не дать им приблизиться, но если их постигнет неудача, то вся надежда на тебя. Каждый человек это дополнительный груз, а мы не можем перегружать повозку. Если они доберутся до неё и их будет больше, считай, что груз потерян.

Чтобы этого не случилось, там находятся лучшие бойцы. С тобой будут десятник Стасий, он хороший арбалетчик и непревзойдённый мечник, а также наш лучший лучник – Андурнель.

Они постараются не подпустить их близко к обозу. Поэтому во время обстрела ты сидишь за бортом и не высываешься.

Если лучники и арбалетчики не справились, по команде десятника ты должен будешь отсечь противников огнём и не допустить ближнего боя. Жги ближайших, но будь аккуратен и не подставляйся под стрелы. – Тут он повёл головой куда-то вбок и произнёс, – а вот и наш лучник, светлый эльф Андуриель. Идём я тебя представляю.

В груди у Сергея возбуждённо забилося сердце. Сейчас он увидит эльфа, настоящего живого эльфа! Он повернул голову в указанную сторону и недоуменно замер. Мифическое существо сказочной красоты, за один взгляд на которое многие толкиенутые подростки его мира пожертвовали бы всем на свете, больше напоминало Брюса Виллиса, чем Орlando Блюма. Блестящий гладкий череп, нелепо оттопыренные мясистые уши, один вид которых навевал мысли не об неземной красоте, а скорее, об наваристом мясном холодце.

– Эльф он что, лысый? – не смог сдержать своего изумления Сергей.

– Говори тише, – поморщился Люций, – Андуриель может услышать.

– А ты думаешь, он этого не знает?

– Знает, конечно, но лучше об этом не напоминать. Отсутствие волос – величайший позор для эльфа. И большая удача для нас. Он потерял волосы в результате магического проклятья и не смеет появиться среди себе подобных, пока оно не спадёт. Иначе б его с нами не было. Я с печалью жду того дня, когда он нас покинет, ибо равной замены ему нет. Ты поймёшь меня, когда увидишь его в бою.

Сергей ещё раз взглянул на телегу с сидящим на ней эльфом. Тот задумчиво смотрел куда-то вдаль и, казалось, не обращал никакого внимания на царившую вокруг суматоху. Когда они приблизились, Верон кратко его представил:

– Андуриель, это Лев Серый, боевой маг. Огненный шар, тридцать шагов. Он с вами, – и добавил для Сергея, – Андуриель, лучник.

Эльф на мгновение повернул голову в его сторону, посмотрел на него пронзительно голубыми бездонными глазами, молча кивнул и, отвернувшись, продолжил созерцание чего-то своего, неведомого.

Посчитав процесс представления окончанным, начальник охраны оглядел караван и, удовлетворившись увиденным, громко скомандовал:

– Все по местам, отправляемся!

Сергей перелез через высокий борт, пристроившись рядом с эльфийским лучником, и принялся наблюдать за процессом отбытия.

Погонщики стегнули лошадей, и телеги одна за другой начали медленно трогаться с места. Царивший до этого момента организованный беспорядок сразу же превратился в неуправляемый хаос. Люди забегали вокруг телег с удвоенной скоростью. Кто-то на ходу закидывал вещи, кто-то вытаскивал их из одной телеги и опрометью нёсся к другой, где-то впереди две телеги столкнулись между собой, вызвав яростную ругань командира и заминку в движении всего каравана.

Но через пару минут затор рассосался и, понукаемые погонщиками лошади, начали медленно, но верно набирать скорость. Караван отправился в путь.

* * *

Сергей лежал на тюке с чем-то мягким и, пожёвывая зажатую во рту соломинку, усиленно боролся со сном. Недосыпание вчерашнего дня, наложившееся на ранний утренний подъем ссуммировались и давали о себе знать, медленно, но неумолимо преодолевая его сопротивление.

Они ехали уже больше четырёх часов. Он, эльф и догнавшие их уже после отправки десятник с копейщиком. Последний обладал каким-то труднопроизносимым средневековым именем, которое было сразу забыто, а паренёк окрещён Петькой.

Если десятник напоминал Чапая, то копейщик был вылитой копией его верного адъютанта. Весел, белобрыс, конопат, с длинным русым чубом, выглядывающим из-под кожаного шлема, который он умудрялся лихо носить набекрень, прям как его исторический прототип папаху.

«Точно как в анекдоте», – подумалось Сергею, – «Петька, Чапаев, Фурманов и Котовский, только Анки не хватает». Роль Котовского он отвёл, конечно же, лысому лучнику, оставив себе должность комиссара ихней грузовой «тачанки».

Ехать было скучно. Сперва он, подражая эльфу, попытался изучать окрестности. Но однообразный пейзаж по обеим сторонам дороги, состоящих из глухих зарослей с редкими вкраплениями небольших полянок, быстро его утомил. Подивившись выдержке ушастого, который бесстрастно следил за монотонным чередованием деревьев, он подсел к десятнику и попытался его разговорить.

Тот, сидя на дне повозки, в узком проходе между тюками и бортом, большим, похожим на штык, ножом, беззвучно шевеля губами, что-то ковырял в своём арбалете. Инструмент больше подходил для потрошения крупного рогатого скота, чем для тонкого ремонта, и это «что-то» никак не хотело ковыряться, вызывая беззвучную ругань их командира.

Расспросы Сергея особым успехом не увенчались. Не то, чтобы десятник отказывался отвечать, но это был далеко не римский патриций, который говорил, может быть немножко витиевато и старомодно, но свои мысли выражал вполне внятно.

Было заметно, что к десятнической должности он, подобно своему прототипу времён гражданской войны, поднялся из самой глубины простого народа. Может Стасий и был лихим рубакой, но связать между собой больше чем пару слов было для него непосильной задачей.

Это не так бросалось в глаза, когда десятник давал короткие приказы или односложные ответы, но как только он пытался развить свою мысль во что-то связное, его речь обрастала кучей ненужных подробностей, уводящих рассказ далеко в сторону.

Апофеозом стал ответ на вопрос о тактике нападения вероятного противника, когда он, путаясь в словах, припомнил аналогичный поход. Сперва он долго вспоминал в какой именно день это было, какая тогда была погода, кто был в его десятке и кто из них чей родственник. Под конец он так запутался, что закончил рассказ прогнозом урожая на морковку, чем был ошарашен не менее Сергея.

Поняв, что никакой полезной информации, от весьма словоохотливого, но малограмотного рассказчика не получит, Сергей прекратил бессмысленные расспросы и, примостившись на мягких тюках, предался своим размышлениям.

Но и тут он потерпел неудачу. Думать о своём мешал монотонный бубнёж с передка телеги, где четвёртый член маленького гарнизона их повозки вёл неспешный, степенный разговор с погонщиком.

– Схарчит василиск тебя никак не сможет, поскольку ты есть человек, а василиски они только траву едят. – Отвечал возница на прослушанный Сергеем вопрос.

– Это с чего ты такое решил? – не соглашался «Петька».

– А ты вот сам посуди, взгляд василиска превращает любую живую тварь в камень. Людей, животных, ну может рыб ещё. Стоит василиску только увидеть какую животину, так она и каменеет. Может василиск и не знает, что в мире существуют другие звери, он же видит только их статуи. А есть ему потом чего? Камнем-то сыт не будешь. Вот он травой и питается!

– Ух ты и правда! А откуда ж они тогда берутся?

– Вестимо откуда. Петух яйцо сносит, а жаба его потом высиживает.

На мгновение воцарилась тишина, спереди обдумывали рассказанное. Сергей тоже задумался. В отличие от доверчивого копейщика, которого ничуть не смутило не только то, что жабы высиживают яйца, но и то, что их несут петухи, услышанное вызвало у него серьёзные сомнения. Причём не только по вопросам размножения василисков, но и по поводу их питания.

Если василиски питаются травой, то зачем им тогда все в камень превращать? Магия, конечно магией, но и логика какая-то должна же быть? Скорее всего, это не полезная информация о мире, а просто байка, где недостаток логики у рассказчика с избытком компенсировался его богатым воображением. С этой мыслью Сергей и заснул.

* * *

Проснулся он от ощущения какого-то дискомфорта и ещё около минуты лежал с закрытыми глазами, соображая, что же могло его вызвать. Наконец, понял – телегу больше не раскачивало. Он рывком переместил тело в сидячее положение и огляделся вокруг.

Вечерело. Солнце уже садилось за горизонт, красноватыми всполохами отражаясь от зеркальной поверхности реки, на берегу которой разбил стоянку их караван. Повозки, полукругом прижавшись к реке, огородили небольшой участок берега, внутри которого расположился импровизированный лагерь.

Большинство охранников отдыхали, лёжа на траве или прислонившись спинами к телегам. Часть занимались какими-то делами: чистили оружие, чинили одежду или прочими мелочами. Несколько человек, разложив перед собой мелкие монетки, увлечённо резались в кости. Только лысый эльф по-прежнему сидел на своём месте, прожигая взглядом темнеющий лес. Вероятно, переживал свою глубокую внутреннюю трагедию.

К телеге подбежал «Петька» и, откинув край плотной, явно водонепроницаемой материи, которая покрывала тюки с товаром, достал аккуратно связанную вязанку дров. Заметив, что Сергей уже встал, он щербато улыбнулся и, показав как минимум три отсутствующих зуба, спросил:

– Проснулись, господин маг? Уж вы и здоровы спать. Всю дорогу так проспали, даже не пообедавши. Господин десятник говорил, такое с магами бывает, коль перемагичат сверх сил своих. Боялся, что и к ужину не встанете. Ан нет, встали-таки.

При упоминании о еде в животе заурчало, а под ложечкой засосало. Организм напоминал, что последний раз он принимал пищу далёким, с точки зрения его организма, утром, и что время повторного её приёма уже давно пропущено.

– А что там с ужином? – поинтересовался Сергей у продолжавшего улыбаться во все свои двадцать с хвостиком зубов копейщика.

– А вона хлопцы рыбу ловлять, – махнул тот рукой, указывая куда-то за спину.

Там, метрах в ста от лагеря, речной берег был совсем пологим, образуя небольшой песчаный пляж. Несколько человек, забравшись по пояс в воду, под громкие, с далека было не разобрать, но явно неодобрительные крики десятника, совершали какие-то не очень понятные действия.

– Как наловят, будем уху варить. Мы уже и костёр распалили, – добавил он, взвалил охапку дров на плечи, и ещё раз улыбнувшись, направился к центру лагеря. Там, действительно, виднелся небольшой костерок, уверенно разгорающийся под висящим над ним солидного размера котлом.

Сергей ещё раз бросил взгляд в сторону рыбаков и понял, что он хочет больше всего на свете. В данный конкретный момент, больше всего на свете, даже больше чем есть, ему хотелось искупаться.

Прыгнуть с разбегу в воду, разогнаться стремительным кролем, а затем, перевернувшись на спину, просто полежать в воде, плавно покачиваясь на волнах и смывая с себя накопившу-

юся сонливость. Желание было таким острым и внезапным, что тело, казалось, было не в силах ему противиться и само, независимо от его воли, соскочило с телеги и направилось в сторону реки.

По мере приближения к пляжу становился более понятным смысл происходящих в реке действий. Процесс рыбной ловли в точности походил на давно забытый детский способ добычи мальков с помощью марли.

Современные дети его уже, наверное, не знают, но маленький Серёжа ещё застал те времена, когда в Днепре водилась рыба. Сейчас, общими усилиями властей и наиболее активной части населения, с тяжким наследием советского прошлого, в число которого входило и изобилие рыбы в водоёмах, было практически покончено. Жалкие её остатки прятались от людей в глубинных ямах, и выудить их оттуда можно было только с помощью эхолота и динамита.

А в те времена, чтобы наловить немного мелюзги, достаточно было взять из дома кусок марли или неплотной занавески, найти напарника и, взяв эту импровизированную сеть за оба конца, просто тянуть её к берегу.

А весной, когда разлившаяся река, возвращаясь в своё русло, оставляла на месте отступления небольшие озерца, таким нехитрым способом можно было поймать даже серьёзную рыбу. Та, оставаясь в этих лужах, становилась лёгкой добычей радостно визжащей малышни.

Подойдя к пляжу, Сергей принялся раздеваться, одновременно наблюдая за действиями рыбаков. Два человека под руководством десятника тянули небольшой, метра четыре в длину, мелкочейстый бредень.

Вступавший из берега небольшой участок земли, слегка напоминающий Крымский полуостров, формировал небольшую бухту, в которую рыбаки и пытались загнать рыбу.

Но проблема была в том, что на финальной стадии самому дальнему из них приходилось двигаться по глубине немного превышающий его рост. Не то чтобы там было очень глубоко, просто самый высокий из рыбаков был на голову ниже Сергея.

Вот и сейчас, в самый ответственный момент, когда ближний загонщик, громко топая ногами, уже почти достиг берега, а дальний, стартовав в районе «Таманского полуострова», должен был сделать решительный рывок, чтобы замкнуть ловушку в районе «Керчи», последний с головой ушёл под воду.

Пока он восстанавливал вертикальное положение, сеть накренилась, и мечущаяся в поисках выхода рыба ловко рванула на свободу, выскочив через образовавшуюся брешь «Керченского пролива». В вытянутой на берег сети осталось не более пяти мелких рыбёшек и один мёртвой хваткой уцепившийся своими клешнями за сетку рак.

Изображавший нудиста десятник запрыгал на месте, потрясая кулаками и отчаянно проклиная низкорослость и рукожопость рыбаков. Намокшие «чапаевские» усы больше не держали форму и очень смешно раскачивались в такт прыжкам вместе с его причиндалами.

Сергей, не удержавшись, фыркнул, чем обратил на себя внимание главного рыболова. Тот на мгновение замолчал, изучая рослую фигуру мага. Затем его бесхитростное лицо просияло, явно демонстрируя рождение какой-то идеи. Глаза загорелись, казалось, что он сейчас воскликнет – «Эврика», или что-то в этом роде. Он даже вытянул руку в красивом ораторском жесте, но поскольку даже без одежды никак не походил на древнегреческого философа то, вместо ожидаемого пятистопного ямба, из его уст вырвалось совсем другое:

– Господин маг, а не пособите нам? А то с этими, – он махнул рукой в сторону виновато глядевших на него парней, – так до самого утра скакать будем.

Сергей молча кивнул и направился вслед за закинувшим на плечи бредень рыбаком в сторону «Бердянска», откуда и должен был стартовать очередной забег. Отойдя метров на тридцать от полуострова, он взял жердь, с примотанной на неё сеткой, и двинулся на глубину. Когда сеть натянулась, вода доставала ему чуть выше груди.

– Ну что, двинули? – спросил его напарник. Сергей кивнул, и они начали движение параллельно берегу. Метров за десять до полуострова десятник начал их поторапливать:

– Давай, давай, ходу давай! Ещё ходу! Да шевелитесь вы... – тут он запнулся, вспомнив, что один из рыбаков боевой маг и вместо запланированной, явно не лестной характеристики выдал, – бегом, бегом давай!

Сергей прибавил ходу, обгоняя своего напарника длинными прыжками, с головой погружаясь под воду и отталкиваясь от дна ногами, понёсся к берегу.

Перед самым берегом дно резко уходило вниз, но тут же поднималась. Нырнув глубже чем обычно, он всё-таки достал до дна и, резко оттолкнувшись, бросился к берегу, умудрившись при этом не только не выпустить палку, но и даже не потерять равновесие. Сделав ещё несколько быстрых шагов по склону ямы, Сергей выбрался на мелководье и, перейдя на бег, замкнул ловушку.

Стайка мечущийся внутри сети рыбы, заметив, что путь на свободу перекрыт, рванулась в сторону берега, рассчитывая уйти по мелководью. Но и напарник не сплеховал.

Высоко подбрасывая ноги, пугая пытающуюся скрыться рыбу брызгами и громкими криками, он замкнул ловушку со своей стороны. К ним подбежал десятник, и вместе они вытащили отливающую серебром от бьющейся в ней рыбы сеть на берег.

Даже на первый взгляд было видно, что этот заход, по совокупной массе, дал больший результат, чем все предыдущие попытки. К валявшемуся на песке десятку мелких рыбёшек присоединилось ещё два десятка таких же, плюс штук пять достаточно крупных окуньков и толстая, пузатая щука почти с метр длиной.

Десятник откинул ногой пытающуюся ускакать на волю рыбку, оценивающе глянул на улов, хмыкнул и выдал своё заключение:

– Ну все, будет. Вот оно как, маг-то он маг, а голова есть и в рыбалке мастак. Коль не он, так до утра бы и не управились. Учитесь дурни, а то охрана они! Тьфу, рыбы наловить сами не могут. Охранять им, тут не груз сберечь, самим бы с голодухи копыта не откинуть.

– Дядька Стасий, да тут просто место такое глубокое, – жалобно заныл один из пареньков.

– Какой я тебе дядька? Дома тебе будут дядьки и мамки. А тут я тебе господин десятник. А ну марш рыбу чистить. И чтобы раз и... – он запнулся подбирая подходящее слово, но не найдя, заменил его подзатыльником, добавив, – быстро давай. Затем, повернувшись к Сергею, сказал:

– А вы господин маг, как купаться собрались, так того, купайтесь, уж простите что отвлекли, да с этими, – он махнул рукой, – учить их и учить. Только вы того, тоже долго не затягивайте. Уха она быстро варится, а уха она уха, пока горяча есть надобно.

Быстро искупавшись, Сергей внял предупреждению десятника и не стал долго разлёживаться на теплом, ещё не успевшем остыть после жаркого солнечного дня песочке. Купание нагнало и без того разыгравшийся аппетит, и он, как только обсох, направился в сторону лагеря.

Уха была уже готова. Выстояв, под аккомпанемент издающего нетерпеливые звуки желудка небольшую очередь, он получил свою порцию. Здоровенную деревянную ложку в комплекте с глиняной миской, в которой мелко покрошенные, чтобы всем досталось, белые кусочки рыбы ловко плавали в золотистого цвета бульоне.

Может это была и не самая вкусная в Серегиной жизни уха, жидковата, да и слегка пересолена, но он был полностью согласен с древней туристической мудростью – после долгого похода у еды всего два параметра: насколько её много и горячая ли она. С этим все было в порядке.

Закончив свой толи поздний обед, толи плановый ужин он почувствовал, наконец, приятную сытость. Сразу захотелось прилечь. Сдав посуду «дневальному», он уже было направился в сторону своей телеги, чтобы завалиться на боковую, но его внимание привлёк Люций

Верон. Тот сидел у костра в окружении десятка бойцов и усиленно от чего-то отнекивался. Заинтересовавшись, Сергей подошёл поближе и услышал обрывок разговора:

– Деяние сие велико, но сколько можно говорить о нем? Каждый поход я вам рассказываю эту историю, скоро многие из вас будут знать её лучше моего.

– Люций, расскажи нам ещё раз. Я тоже прошу тебя, – видимо, поддержав какую-то просьбу охранников, вмешался десятник Валерий Солон, – хоть и я, и Стасий были с тобой в том походе, но боги не дали нам твой талант делать предмет речи видимым.

– Хорошо, – дал себя уговорить начальник охраны, – слушайте и вспоминайте тех, кто пытался совершить великое. Даже если им это не удалось.

Сегодня расскажу я вам о последнем дне Великого Похода, когда объединённое войско трёх королевств потерпело сокрушительное поражение, так и не достигнув священной цели – Чертогов Бога, – начал он свой рассказ.

– В тот день очередь командования перешла к принцу Вулфэйлу. Справедливости ради, следует отметить, что не было во всех трёх армиях бойца храбрее принца ни среди всадников, ни среди пехотинцев. Первым летел он в схватку, последним уходил с поля битвы.

Великие эти достоинства соединялись с такими же великими пороками – нечеловеческой гордыней и отчаянным безрассудством. Не было для него никого, к чьим советам он бы прислушивался и чьё мнение уважал.

На рассвете дикари перешли реку Глумурию, на берегу которой мы стояли лагерем и начали засыпать стрелами караульные посты у лагерных ворот, чтобы вовлечь нас в схватку, а затем, постепенно отступая, заманить на другой берег реки.

Едва только появились варвары, жаждущий славы Вулфэйл, не слушая советов ни короля Николая, ни преторианского легата, предупреждавших его, что это может быть хитроумной ловушкой, вывел за ворота сперва рыцарскую конницу, а затем и все остальные силы.

Было время солнцеворота, и повсюду шёл снег, а близость рек и болот делала стужу особенно жестокой. Между тем воины выбегали впопыхах, не успев ни поесть, ни толком одеться; они зябли с первой минуты, и чем ближе к реке, тем сильнее.

Наконец, продолжая преследовать варваров, они вошли в воду и погрузились чуть не по горло – ночью лил дождь, река поднялась, – и когда выбрались на берег, то уже до того заоченели, что оружие выпадало из рук.

Добившись своей цели, варвары прекратили обманное отступление, повернулись и встретили нас градом стрел. Увидев это, Вулфэйл отозвал своих всадников, и они заняли места по левому краю пехотного строя.

Первый натиск дикарей, нацеленный в середину нашей боевой линии, был отбит. Тогда они разделились надвое и обрушились на фланги, где уже завязалось конное сражение.

Баронские конники и без того едва держались: во-первых, они уступали противнику числом более чем вдвое, а во-вторых, лошади чуть не бесились, даже не видя дикарей, а только чуя их запах. Камни и стрелы быстро довершили дело – рыцарская конница дружно ударилась в бегство.

Принц отбивался отчаянно и пал с оружием в руках. Его голову и доспехи торжественно поместили в самом почитаемом из варварских капищ. Череп, по ихнему обычаю, оправили в золото, и он служил священным сосудом для возлияний духам, а также и винною чашею на пирах вождей.

Стоящая в центре, преторианская пехота дралась с величайшею отвагою и упорством, хотя и здесь все преимущества были на стороне врага. Варвары перед боем сытно позавтракали и хорошо отдохнули – мы же не ели ничего и отчаянно продрогли и устали.

Как только конница бежала, дикари обошли нас и ударили с тыла. Даже теперь, оказавшись меж двух огней, легионеры продолжали держаться. Мало того – они сумели нанести им серьёзный урон.

Но тут к варварам прибыла подмога, с несколькими сильными шаманами и те ударили по правому флангу, где отчаянно сражался отряд под командованием короля Николая. Сам Николай пал окончательной смертью, в самом начале сражения, и его армия, не выдержав натиска, стала медленно отступать.

От полного разгрома и позорного бегства её спасли лишь умелые действия Эрика Рыжебородого, который взял на себя командование после гибели короля.

Таким образом, преторианские легионы лишились единственной поддержки, на которую они ещё могли рассчитывать. Вражеское кольцо замкнулось – исход битвы решился. Уже не о победе думали мы, но о спасении.

Тут рассказчик сделал паузу, задумчиво глядя куда-то в глубину леса. Было заметно, что воспоминания даются ему нелегко. Так же, как и обоим десятникам, которые, сжав кулаки, мрачно смотрели в землю перед собой. Глаза же остальных бойцов отряда горели огнём, и они, затаив дыхание, ждали продолжения. Люций ещё немного помолчал и продолжил.

– Около двух тысяч человек во главе с легатом Гаем Марием прорубили себе дорогу через самую середину неприятельского войска и сумели соединиться с эраффиями, под командованием Рыжебородого. Вернуться за реку, в лагерь, они даже не пытались, но без промедления отправились к ближайшему городу.

Пробовали пробиться и остальные, но робко и недружно, а потому большей частью безуспешно. Многие утонули, многие – из числа тех, кто топтался на берегу, боясь снова погрузиться в ледяную реку, были настигнуты дикарями.

Но многим отчаяние придавало мужества, и они благополучно переправились и укрылись в лагере, который стал для них сперва ловушкой, а потом и могилой.

Хотя и их гибель не была напрасной, они отвлекли на себя внимание врагов, чем дали возможность принявшему командование над всеми уцелевшими Эрику совершить невозможное и провести остатки армии к Тримертону, прямо сквозь леса варваров.

Но об этом походе, принёсшем Рыжебородому неувядаемую славу и почитание на всех землях мира, я расскажу в следующий раз. А сейчас, всем кроме дозорных, спать. Завтра будет трудный день.

Охранники стали нехотя подниматься. Глаза их возбуждённо горели, не похоже было, что кто-то из них сможет быстро заснуть. В этом мире, где не было телевидения, и вряд ли имели широкое распространение книги, подобные рассказы заменяли и то и другое.

Хотя на Сергея эта история особого впечатления не произвела. Ну была там какая-то битва, ну победил кто-то. В битвах обычно так и происходит. Но для местных жителей этот рассказ был равнозначен просмотру увлекательнейшего сериала, да ещё и основанного на реальных событиях.

Они бы с радостью посмотрели и следующую серию, но пульт управления телевизором отсутствовал. Точнее, здесь телевизор мог сам отдавать команды, что он, собственно, и сделал.

Группками по двое, по трое, они начали расходиться по своим местам, оживлённо обсуждая перипетии этой истории. Наверняка в эту ночь многим приснится сон, в котором они с оружием в руках прорываются к загадочным Чертогам Бога ради неведомой Священной Цели. Интересно, тут что ещё и боги есть?

Глава 5. Торговля дело опасное

На следующее утро подъем был не менее ранним, чем и в прошлое. Встали с восходом солнца. Но, выпавшемуся за вчерашний день Сергею, он дался намного легче. Спать, конечно, хотелось, но, по крайней мере, он смог подняться самостоятельно. Без дополнительных стимулов в виде ложных тревог или, упаси бог, принудительных водных процедур.

Быстро перекусив сухпайком, все заняли свои места и телеги двинулись по направлению к дороге. Снова за бортом потянулась нескончаемая череда деревьев, изредка разбавленная безликими, похожими одна на другую полянками. Грохот колёс распугал местное зверье и будоражил птиц, которые с недовольным клёкотом кружили над телегами, не хуже GPS указывая посторонним наблюдателям, будь такие окажутся, точное местоположение каравана.

Привыкшие ложиться с солнцем и вставать с петухами охранники выглядели выпавшими и бодрыми. Что нельзя было сказать о Сергее. Утреннее умывание и процесс сборов ненадолго взбодрили его. Но, как только он занял своё место на телеге, его опять стало неумолимо клонить в сон.

Избалованный благами цивилизации, в виде электрического освещения, организм отказывался принимать подобный образ жизни, настойчиво требуя вернуться к привычному распорядку сна и бодрствования. И, в конце концов, таки настоял на своём.

Разбудила его усилившаяся тряска. Телега и так не была снабжена рессорами, и движение по каменной брусчатке дороги ощущалось даже через толстый слой мягкого груза. Но сейчас, вместо мерного покачивания океанского лайнера, езда стала напоминать прогулку на водном мотоцикле.

Сергей приподнялся над высоким бортом и оглядел окрестности. Дорога виднелась далеко позади, а свернувший с неё обоз, двигался по ярко-зелёному сочному лугу, направляясь в сторону сверкавшей бриллиантовым серебром реки.

Путём ряда наводящих вопросов десятнику и решительного пресечения нескольких его попыток увести разговор в сторону, получилось выяснить смысл этого манёвра.

Как оказалось, они приблизились к наиболее опасному участку пути, где «баловали тёмные эльфы». Обычной практикой последних было, перегородив путь поваленными на дорогу деревьями, атаковать обездвиженный обоз с обеих сторон.

Чтобы не попасть в такую засаду, караванчики сходили с каменной дороги и двигались по узкой, раскинувшейся между лесом и рекой, долине. Пройти опасный участок требовалось быстро, что в переводе с местного означало – медленно, но без остановок.

Обстановка неумолимо изменилась. Десятник, перестав ковыряться в своём оружии, расположился у правого, ближнего к лесу, борта и стал напряжённо вглядываться в темноту густого леса. Петька также, покинув своё место возле возничего, присоединился к командиру. Даже эльф, хотя и не стал никуда перемещаться, бросил созерцание реки и повернулся лицом к чаще.

Ощущение тревоги стало мрачной тучей сгущаться вокруг каравана. В воздухе отчётливо повеяло опасностью. Поездка, ранее напоминавшая прогулочную, все более стала походить на боевую операцию. Всеобщая нервозность передалась и Сергею. Приняв вертикальное положение, он тоже стал следить за навевающим опасность лесом.

Но прошёл час, другой, ничего не происходило. Тревожное ощущение стало притупляться, напряжение спадать. Тем неожиданней прозвучал крик «Тревога!», раздавшийся откуда-то из центра каравана.

Сперва ничего не происходило, а затем Сергей увидел, выбегающие из леса, тёмные фигурки. Пять, десять, двадцать. Когда они перестали выбегать из-за деревьев, он расценил их

количество как явно больше пятидесяти, но меньше ста. В любом случае это было в несколько раз больше, чем охранников каравана.

Сердце тревожно ёкнуло. Тело окаменело и стало непослушным, от ощущения опасности заныло под ложечкой. Но быстрые и чёткие команды десятника мгновенно привели его в чувство.

Добродушный, чуть глуповатый и косноязычный сельский дядька преобразился. Теперь это был воин, быстрый, резкий, решительный.

– Маг, лучник – за борта! Копейщик – за мной!

Одним быстрым движением он соскочил с телеги, Петька, чуть задержавшись, бросился за ним.

Двойные борта телеги по своей конструкции напоминали «раскладушку». Спереди они держались на массивных железных петлях и в собранном состоянии удерживались с помощью замков-уключин, в задней её части.

Синхронными движениями, вытащив засовы из замков, охранники схватились за края и рванули вперёд. С жалобным скрипом высокие борта разъехались и, описав полукруг вокруг телеги, сомкнулись спереди, полностью закрыв бока, набирающих скорость лошадей.

Погонщик, достав откуда-то длинную жердь с двумя металлическими штырями на концах, похожую на очень вытянутую букву П, швырнул её Стасию. Тот, вставив со своей стороны штырь в уключину борта, крутанул её в Петькину сторону, который, проделав аналогичную операцию, зафиксировал конструкцию.

То же самое происходило и на других телегах обоза. Повозки, наращивая броню и сокращая расстояние между собой, превращались из мирного каравана в готовящийся к бою бронепоезд.

Тем временем, нападавшие, пробежав большую часть разделяющего их расстояния, остановились метрах в семидесяти от обоза. Быстро и чётко они выстроились полукругом в двойную цепь. Первый ряд поднял большие прямоугольные щиты, которые прикрывали прячущихся за ними лучников.

Как только построение было закончено, стена щитов раскрылась, наподобие солнечных жалюзи, и оттуда залпом вылетел рой стрел. Со стороны обоза ответили, но «жалюзи» уже закрылись, приняв на себя удар стрел и болтов.

Заметив, что Сергей, высунув голову из-за борта, наблюдает за завязавшейся перестрелкой, десятник рявкнул:

– Куды твою голову сунешь? Вниз, живо!

От этого рыка колени сами собой подогнулись. Он опустился на дно телеги и, скорчившись в узком проходе между бортом и тюками с товаром, стал наблюдать за действиями своей команды.

Высыпавший перед собой пучок стрел из колчана эльф, напоминал ваньку-встаньку. Присев на корточки, он быстро накладывал стрелу на тетиву и, приподымаясь, взводил её. Как только кончик стрелы поднимался выше уровня борта, делал выстрел и снова приседал. О результате стрельбы судить было трудно, но поскольку не доверять словам Люция Верона об исключительных качествах эльфийского лучника не было никаких оснований, то можно было быть уверенным, что палил он, отнюдь, не в белый свет.

Десятник действовал немного по-другому. Он заряжал свой арбалет, затем, слегка приподнимал голову над бортом, выжидая удобный момент. Дождавшись, вставал во весь рост и стрелял. Каждый выстрел сопровождался кхеканьем и невнятным бормотаньем, но определить по интонации попал он куда-то или нет не получалось. Скорее всего «Василий Иванович» и сам этого не знал, уж больно быстро он потом прятался за бортом.

Оставшийся без дела копейщик, как и Сергей, сидел на полу, в противоположном конце повозки.

Бездействие морально давило на нервы и напоминало полет в самолёте. Когда ты сидишь, пристёгнутый к креслу, вокруг приятный полумрак, тихо гудят двигатели и неизвестно, что происходит вокруг. Умом понимаешь, что самолёты один из самых безопасных видов транспорта, но вот ощущение того, что твоя жизнь полностью в чужих руках и от тебя ничего не зависит, вызывает чувство иррационального страха.

Летать на самолётах Сергей не любил. Поэтому, презрев опасность получить шальную стрелу, постарался проконтролировать ситуацию. Медленно и осторожно, подражая десятнику, он выглянул из-за борта.

На его неопытный взгляд, ситуация складывалась не в пользу атакующих. Затянувшаяся перестрелка видимых результатов не приносила. Нападавших надёжно прикрывали щиты, а защитники ловко прятались за бортами. В такой ситуации попасть в кого-либо можно было только случайно.

Тем временем, понукаемые ударами кнутов лошади, набрав максимально возможную скорость, медленно, но верно выводили караван из-под удара. И когда уже казалось, что вот-вот и опасность останется позади, нападавшие резко изменили тактику. Фаланга рассыпалась на две части. Первая, образовав что-то наподобие «полукаре», прикрываясь щитами только спереди и со стороны уходящего обоза, с рёвом бросилась в атаку. Оставшиеся прикрывали их, стараясь подавить или хотя бы снизить интенсивность резко усилившегося обстрела.

В атакующей группе появились первые жертвы. Держать идеальный строй на бегу не получалось. В стене щитов появились прорехи, в которые нет, да и залетали стрелы защитников, выбивая из толпы нападавших отдельные тёмные фигурки и оставляя их корчиться на траве.

Профессиональный спринтер пробегает стометровку примерно за десять секунд. Армейские нормативы требуют уложиться в пятнадцать, но это в спокойной обстановке, без оружия и необходимости соблюдать строй. На то, чтобы преодолеть половину отделявшего их от цели расстояния у нападавших ушло намного больше времени. Но все равно, этого оказалось недостаточно, чтобы стрелы защитников нанесли им серьёзный урон. Основная их масса смогла выскочить на дистанцию, достаточную для последнего броска. Прогноз Люция Верона полностью оправдался, главной целью оказалась последняя повозка.

На продолжавшего выглядывать из-за борта Сергея, накатил острый приступ паники. Казалось, что нападавших уже не остановить и тёмная волна атакующих вот-вот захлестнёт и сметёт немногочисленных защитников их повозки, как морская волна сметает песчаный замок.

В себя его привёл медвежий рык десятника:

– Маг, етить тебя, не спать! Жги их!

Приходя в себя, он сделал глубокий вдох, сконцентрировался, почувствовал наливающуюся жаром руку, а затем, поднявшись во весь рост, широким замахом отправил огненный шар в накатывающую толпу.

В некоторых случаях люди и эльфы ведут себя абсолютно одинаково. Например, если их поджечь. Их подвело то, что пытаясь укрыться за щитами, они бежали компактной группой. А как показала практика, щиты оказались не лучшей защитой против магии огня. Ударившись о них, шар растёкся огненной волной, сверху и снизу огибая препятствие и опалив головы и ноги атакующих. Яростный боевой крик сменился полным боли и отчаяния воем обожжённых людей, или точнее эльфов.

Но только огненный вал коснулся далеко не всех. Основной удар приняли на себя первые ряды, закрыв задние своими жизнями и телами. И последние, в одно мгновение, преодолев разделявшую их дистанцию, с разбегу налетели на телегу. Они цеплялись за края бортов и тянулись вверх, используя спины оставшихся внизу как точки опоры.

Сергей, тяжело дыша и пытаясь унять рвущееся из груди сердце, опустился на дно телеги. Уже оттуда он увидел как десятник, отбросив в сторону бесполезный более арбалет, рубанул

мечом по чьим-то уцепившимся за борт пальцам, вторым ударом сметая за борт уже успевшего подтянуться и закинуть ногу эльфа.

Как Петька, перегнувшись через передний борт, яростно тыкал своим копьём в пытавшегося прорваться к лошадям налётчика. Как он на мгновение замешкался, нанося лишний удар по уже падающему мёртвому телу, и эта потерянная секунда позволила одному из нападавших прорваться наверх.

Выпрямившись в полный рост и балансируя на краю телеги, тот уже согнул ноги и присел, чтобы оттолкнувшись, прыгнуть в её дальний конец и ударить в спину обороняющимся. Петька отчаянно бросился ему на перехват. Прыжок и удар копья совпали, удвоив силу удара, и прыгун, как бабочка, нанизался на древко.

Умер тот почти сразу, но его жертва не была напрасной. Заблокировав своим телом оружие копейщика, он дал возможность повторить свой трюк следующему за ним.

На этот раз ничто не смогло прервать прыжок, и тёмный эльф приземлился в противоположном конце, чтобы мгновенно развернуться, поднять саблю и ... словить стрелу прямо в грудь. Успевший получить лёгкое ранение в плечо Андурнель не стал бросаться в бой. Присев на одно колено, он с луком в руках страховал партнёров, хладнокровно следя за тылом.

Наконец, Сергей почувствовал, что ледяной холод после предыдущего заклинания начал отступать от груди. Он сделал глубокий вдох и поднялся над бортом, оценивая текущую ситуацию.

Ситуация, была не ахти. Несмотря на понесённые потери в живых оставалось ещё около полутора десятков вражеских бойцов. И они, отбросив в сторону бесполезные, поскольку оказались в мёртвой зоне, щиты, бежали рядом с телегой, прыгая на её борта и отчаянно карабкаясь наверх.

Казалось, что до захвата оставались считанные секунды. Петька с десятником катастрофически не успевали сбивать повисших, как гроздь чёрного винограда, эльфов. Тогда Сергей, выдыхая воздух и одновременно ныряя вниз, запустил файербол прямо перед собой.

Жар обжёг не успевшую скрыться за бортом макушку. Огонь, ударившись о землю, взметнулся вверх миниатюрным ядерным грибом. Вновь раздались полные боли крики сгорающих заживо эльфов, к которым добавилось испуганное ржанье лошадей, неприкрытые ноги которых тоже пострадали от жара.

Но животный страх за свою жизнь, а также потеря дополнительного груза, в виде висевших на борту тел, придали им сил, и они в отчаянном рывке понесли отставшую из-за нападения телегу вдогонку уходящему каравану.

Десятник мгновенно переместился назад, чтобы продолжать сбивать преследователей, но таковых не оказалось. Неповреждённой осталась только фаланга прикрытия. Те стояли, побросав щиты, и яростно потрясали кулаками вслед уходящей добыче.

Стасий медленно стянул шлем, утёр пот со лба и, присев рядом с Сергеем, выдохнул:

– Слава Витале. Вроде как отбились.

Лицо десятника расслабилось, сразу утратив всю свою суровость, а намокшие от пота усы опустились, сделав его похожим на отправившегося за солью чумака. Видно было, что и ему бой дался нелегко. Выразилось это в нападшем на него, как это часто бывает после нервного напряжения, словесном недержании.

– Да, тоже так было. Маги они великое дело. Значится, шли мы караваном, у меня тогда в помощниках Хьюго Одноглазый был, который потом на Гертруде женился. Когда же это было? В сентябре? Точно, аккурат в сентябре. В том году лето и осень жаркие были, пшеница погорела вся...

Тут он, сбившись с мысли, запнулся и, поняв, что закончить рассказ не получится, махнул рукой и потянулся к сумке. Достав оттуда стеклянный пузырёк, по форме напоминавший

химическую реторту, с какой-то красной жидкостью внутри протянул его эльфу. Но тот, покачивая головой, отказался.

– Нет смысла. Повреждение незначительное. Цена-результат приёма не оправданы. – Выдав эту короткую, как табличка с предупреждением Виндовс, фразу, он отвернулся.

– Ну как знаешь, – буркнул десятник, пряча склянку обратно в сумку, – была бы честь предложена. – Затем, повернувшись лицом к возничему, рявкнул, – да не гони ты так, лошадей загубишь, – и уже спокойнее добавил, – оторвались ужо.

Глава 6. Мескарель и леди Мурказель

Сергей, вместе с Люцием Вероном и представителем торговой фирмы, которой принадлежал караван, медленно шли по улицам Мескареля.

Города они достигли ближе к вечеру. Часов через пять после нападения, включая небольшой, минут на тридцать, привал, который устроили, чтобы дать прийти в себя людям и отдыхать лошадям.

Первый увиденный в этом мире город не впечатлил. Да и вообще, городом его можно было назвать с очень большой натяжкой. Показавшиеся на горизонте одно и двухэтажные строения больше подходили посёлку городского типа.

Это впечатление усилил и первый встретившийся им «городской тип». Рыжеволосый детина в длинной холщовой рубаше, подпоясанной простой верёвкой, и таких же штанах, оставившись у дороги, пустыми, рыбьими глазами без особого интереса наблюдал за проходом обоза.

При этом он закидывал в рот неизвестно откуда появляющиеся при отсутствии карманов на одежде орешки, которые в этом мире, похоже, заменяли семечки, сплёвывая скорлупу себе под ноги.

Сам обоз не стал заезжать в город, а остановился, в специально оборудованном для этих целей, как Сергей его прозвал – «караван-сарай».

Узнав об их прибытии, туда же примчался маленький лысенький толстячок, по имени Барнабас, который представлял интересы владельцев груза в этом ПГТ.

Слушая отчёт начальника каравана, он охал и ахал, периодически всплёскивая руками и вытирая лысину от капель пота, которые появлялись на ней то ли от переживаний за судьбу товара, то ли просто от жары. Но, в целом, отчётом он остался доволен, пообещав премию всем спасителям драгоценного товара и особенно боевому магу, действия которого Люций Верон описал особенно красочно.

Как настоящий деловой человек, не любящий терять время даром, Барнабас пригласил бывшего легионера к себе в контору, чтобы, не мешкая, рассчитаться. Люций Верон, вспомнив о проблемах Сергея, предложил ему присоединиться, пообещав свести его с одним из магов, практикующим в Мескареле.

Они двигались по унылой узкой улочке в сторону центральной площади, где располагалась контора представительства. Барнабас, пребывая в отличном настроении, усиленно жестикулируя пухленькими ручками, рассказывал какую-то смешную историю, которая успела обрасти бородой задолго до Серёгина рождения.

Тот рассеянно прислушивался, вертя головой по сторонам и иногда выдавливая из себя скупую вежливую улыбку. В отличие от него, центурион, скорее всего, слышал её в первый раз, поскольку, периодически останавливался и оглашал пустынную улицу своим раскатистым смехом.

Минут через пятнадцать неспешного шага они, наконец, добрались до цели. Площадью это можно было назвать только с очень большой натяжкой, скорее это была просто широкая улица, которая представляла собой центр культурной и торговой жизни этого городка.

Спереди она упиралась в большое двухэтажное здание ратуши, как назвал его Барнабас, или сельсовета, как окрестил его про себя Сергей. Слева и справа, зазывая к себе красочными вывесками и висящим на цепях эмблемами, располагались небольшие кустарные производства и торговые точки, а также, ну куда же без него, местное питейно-закусочное заведение.

На самой же улице вовсю кипела мелкооптовая и розничная торговля. Продавали в основном продукты питания и животноводства: хлеб, мясо, яйца, какую-то зелень и овощи, живую птицу и молочные изделия.

Пухлая тётка сидела возле мешка с мелкими лесными орешками, на вершине которого красовался микроскопический деревянный стаканчик с явно утолщённым дном.

Культурный досуг обеспечивал примостившийся недалеко от тётки трубадур или менестрель, Сергей точно не помнил, как они там правильно в средневековье назывались, да и просто не понимал в чем между ними разница. Тот, угрюмо поглядывая из-под свисавшего набок шутовского колпака, напевал, а точнее сказать, читал что-то наподобие рэпа, только со средневековой тематикой.

В том смысле, что вместо близких сердцу недорослям XXI века проблем с наркотиками, властью и неприятия окружающим миром, в качестве главного персонажа там фигурировал благородный рыцарь. У него были трудности с королём, драконом и прекрасной девой. Проблемы с пониманием героя окружающим миром, правда, тоже никуда не делись, наверное, они были вечны.

Голос он имел отвратительный и работал по принципу – «налей менестрелю, а то он споёт». Если в стоящую перед ним кружку кидали монетку, тот на время приостанавливал свой речитатив, и продавщица орешков, видимо уже выучившая наизусть все его творчество, облегчённо вздыхала.

Но внимание Сергея привлёк не менестрель. Неподалёку от него, прямо на телеге, стояла железная клетка, в которой связанные по рукам и ногам находились три девушки. Две из них были смуглолицые мускулистые и очень похожие на подтанцовку певицы Светланы Лободы.

А в центре, как ей и было положено, находилась сама «Лобода». Худощавая, светловолосая, в коротком кожаном платьице, из-под которого выглядывали длинные стройные ноги в ботфортах, она действительно напоминала знаменитую певицу.

Но не только Сергей обратил на них внимание. Барнабас, заметив девиц, тотчас же прекратил свой рассказ и, уставившись на блондинку похотливым взглядом, восторженно зацокал языком и разразился комплиментами в «восточном» стиле:

– Ах, какая красавица! Какой персик! – казалось, у него даже прорезался специфический акцент. – Я буду не я, если ты не станешь украшением моего сада! – Люций Верон, потянув купца за кафтан, попытался ему что-то сказать, но тот только отмахнулся. – Эй, кто хозяин этого цветка, давай сюда!

Из-за телеги с недовольным выражением на лице вальяжно вышел мужчина в походной, но дорогой и качественной одежде. Увидев его, Барнабас воскликнул:

– А, Гудмунд, друг мой, какая встреча! Так это тебе принадлежит эта цветущая роза! Надеюсь, ты её ещё никому не продал? – спросил он, кивком указывая на блондинку.

Мужчина, сменив недовольную гримасу на радостную улыбку, затряс протянутую руку, одновременно надевая на своё лицо маску вежливого сожаления.

– Барнабас, мой друг, и я рад тебя видеть, но должен тебя огорчить. К величайшему моему сожалению этот груз не принадлежит мне, я всего лишь взялся за его доставку.

– И кто же счастливый обладатель этих цыпочек? Назови мне его имя и клянись богами, я сумею с ним договориться.

– Боюсь, не сможешь, – купец изобразил на лице искреннее огорчение, – по решению сената, за сговор с варварами и убийство преторианских граждан, эта особа приговорена к окончательной смерти. Для исполнения приговора, сенат постановил передать её некроманту Гнилоину. Ты, наверное, слышал о нем и о его репутации?

Барнабас помрачнел и сердито засопел, видимо слышал. Похоже репутация у некроманта была ещё та. Блондинка расхохоталась.

– Что, Карабас-Барнабас, обломался? – и передразнила его, – цветочек, розочка..., садовод хренов, – закончила она и грязно, по-мужски, выругалась.

Затем девушка обратилась к мрачно глядевшему на неё Люцию Верону.

– А ты, Люций, так и будешь наблюдать, как твоего боевого товарища отдадут этому падальщику Гнилоину? Или боевое братство для тебя уже ничего не значит?

Центурион поморщился, он выглядел каким-то смущённым. Наконец, видимо собравшись с духом, ответил:

– Я рад нашей встрече, леди Мурказель, и весьма огорчён её обстоятельствами. Я прекрасно помню, кто прикрывал наш отход в том последнем бою и в иных обстоятельствах, не задумываясь, отдал бы за тебя свою жизнь и разум. Но убийство граждан серьёзное обвинение...

– Да никого я не убивала! Эти старые пердуны даже не стали разбираться!

Люций Верон бессильно развёл руками.

– Кто я такой, чтобы оспаривать решение сената? Могу лишь посоветовать тебе набраться мужества. Я верю, что ты сумеешь выбраться из этой непростой ситуации, и это только закалит тебя. Ведь, как сказал мудрец – все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

– Сам набирайся мужества, трус, я женственная, – взъерилась девушка, – а всё, что меня не убивает впоследствии очень сильно об этом жалеет. И клянусь, если я выберусь из этой жопы, а я обязательно выберусь, я этих ваших сенаторов по сортирам мочить буду!

Сергей слушал этот диалог с широко раскрытыми глазами. Карабас-Барабас? Она что, тоже попаданец из его мира? Мочить в сортире? А вдруг это Сам автор этих слов, попавший в женское тело!

Тут девушка обратила своё внимание и на него.

– А ты чего пялишься, лупоглазый? Тоже комиссарского тела захотелось?

С этой фразой исчезли последние сомнения – она точно была из его мира. Девушку, однозначно, надо было ловко выручать, но сперва требовалось подать ей какой-нибудь знак. Сделать нечто такое, чтобы она поняла, что он свой, что он тоже с Земли.

Его мозг лихорадочно заработал. Наконец, приняв решение, он, отвернувшись чуть в сторону, стал с демонстративно безразличным видом насвистывать песенку группы «Любэ» – «Атас».

Девушка сперва не обращала на свист никакого внимания, яростно сверля его взглядом. Но затем стала прислушиваться. Где-то на строке, в которой мальчикам предлагалось любить девочек, до неё стало что-то доходить.

Теперь пришёл её черед широко раскрыть глаза. Она смотрела на Сергея с изумлением и неверием, но в её взгляде начал загораться огонёк надежды.

Он подошёл ближе к клетке и, бросив мимолётный взгляд на висевший на цепи большой амбарный замок, запирающий решетчатую дверь, тихонько сказал:

– Помнишь, что обещал Карлсон, когда улетаю?

Девушка ничего не ответила, но на её лице расплылась широкая, во весь рот улыбка.

– Лев, ну идёте же. Не будем терять время, – вмешался раздосадованный неудачей несостоявшийся садовод.

Сергей развернулся и направился вслед за своими спутниками.

– А вы что, знакомы с этой девицей, господин маг? – обернувшись в его сторону, поинтересовался Барнабас.

– В первый раз вижу, – не стал врать Сергей.

– Странно, она так быстро сменила гнев на милость по отношению к вам. Видимо, у вас очень хорошие общие знакомые, этот Каррсон, или как его там?

– Не берите в голову, господин Барнабас, – отозвался Сергей, – это просто мужское обаяние и высокая харизма.

– И сколько же единиц у вас харизма? – живо заинтересовался купец.

– Судя по результату, не меньше восьмидесяти, но вообще-то я специализируюсь на ловкости – с улыбкой ответил Сергей, подумав: «А толстячок-то, не только грамотный, но и с юмором».

Барнабас как-то странно глянул на мага, но развивать тему не стал. Вместо этого он обратился к Верону:

– Люций, друг мой, но ты-то точно знаком с этой девицей?

– Эта, как ты говоришь, девица – леди Мурказель. Обладательница Дивного Доспеха, Шлема Белого Единорога, Ожерелья Небесного Блаженства, Золотого Лука с тетивой из гривы единорога, Книги Заклинаний 3-го уровня...

С каждой произносимой регалией Барнабас все больше и больше сникал. Это было похоже на то, как будто боксёр-разрядник вызвал на поединок незнакомца, рассчитывая на лёгкую победу, а выйдя на ринг, услышал, что его противник заслуженный мастер спорта, член сборной, неоднократный победитель и прочая, прочая, прочая.

– ... а также Герой и владетель замка «Основа».

Барнабас окончательно сник, на его серое лицо было страшно смотреть. Видимо последнее звание, если говорить языком спорта, соответствовало уровню не ниже Олимпийского чемпиона.

– Не мог меня сразу предупредить? – мрачно поинтересовался он.

– Я пытался, но ты, находясь в рабстве у Эрота, слушал голос не мой, а своего Приапа. И с твоей стороны было весьма неблагоразумно пытаться затащить её в этот, как ты его назвал, «цветник». Я даже не говорю, что это может привести к большим трудностям в торговле с той стороной, но леди Мурказель, чьё достоинство и честь самым постыдным образом были осмеяны на глазах у всех, может быть ещё и весьма злопамятна. – Люций сделал многозначительную паузу.

– Ничего, попадёт к Гнилоину, там ей и конец. И никакие артефакты не помогут, – мстительно заметил Барнабас, – из цепких лап этого паука ещё никто не выбирался.

– Я бы не стал на это сильно рассчитывать. – Центурион на мгновение замолк, а затем, отвернувшись в сторону, глухо заговорил, выдавливая из себя короткие, отрывистые фразы.

– Шёл третий день после разгрома армии Великого похода. Эрик Рыжебородый вёл остатки войска через варварские леса. У нас было много раненных, дикари же шли налегке, и они быстро нас настигали. Их передовые отряды уже нападали на наши тылы. Мы шли походным строем и отбивали их наскоки. Наши воины не спали уже третьи сутки и ели на ходу. Рыжебородый запретил делать остановки и привалы, чтобы основные силы варваров не нагнали нас и не успели подготовить засаду.

До Тримертонна оставался один дневной переход, когда наш путь перегородила река. Прибрежные земли принадлежали одному варварскому племени, и Эрик предложил их вождям щедрую плату за проход. Они отказались.

Нечего было и думать переправиться под их обстрелом. Тогда Эрик поступил как настоящий полководец, который жертвуя малым, спасает целое. Нельзя сказать, что это решение далось ему легко, но он приказал всем оставшимся лучникам прикрыть переправу. Это было задание без возможности выжить, он послал их на смерть.

Леди Мурказель, не бросила своих воинов и ушла с ними. Они прикрыли наш отход, но прикрыть их было уже некому. Почти полная сотня эльфийских лучников ушла с ней. Не вернулся никто.

Через сутки, падая от усталости и недосыпания, мы вошли в город. На следующее утро нас нагнала и она. Раненая, злая, но живая, – рассказчик сделал паузу и резюмировал, – Леди Мурказель умеет выживать.

А через месяц после этих событий на берегу той реки стояла вся армия «Основы». Я не хочу ничего утверждать или пересказывать все слухи и домыслы о том, что там произошло, но

больше об этом племени никто и никогда не слышал, – он сделал ещё одну паузу и закончил свой рассказ, – леди Мурказель умеет мстить.

Барнабас, хоть это и казалось невозможным, ещё больше помрачнел и до самого конца пути больше не проронил ни слова. «А девушка-то уже давно здесь попадает», – подумал Сергей. – «И, похоже, в традиционных для попаданцев видах спорта – нагибаторстве и хомячестве, добилась определённых успехов. Тем более есть резон ей помочь, возможно, да что там возможно, наверняка она сможет ответить на многие вопросы».

В конторе, окончательно утративший расположение духа, купец рассчитался с начальником охраны и быстро распрощался. Видимо, ему было о чем подумать наедине с самим собой.

Глава 7. Магические услуги мастера Бергера

Люций Верон повёл Сергея к местному магу. Они уже проходили это заведение. Сергей даже порывался оставить своих спутников и зайти, но более опытный в таких делах легионер объяснил ему, что подобные места следует посещать с максимально заполненным кошельком.

Лавка местного волшебника, под названием «Магические услуги и алхимия», располагалась на самом краю городка, по соседству с мастерской «Изготовление гномьих доспехов и оружия». При этом, скучавший на скамейке перед входом владелец последней, хоть и был кряжист и бородат, но его рост, под два метра, абсолютно исключал возможное родство с гномьим племенем.

Сергей ухмыльнулся. В своё время, гуляя по одесскому «Привозу», он обратил внимание на вывеску над одним из ларьков – «Мастерская по изготовлению импортных зонтов». Кажется, у её владельца обнаружился в этом мире Брат.

Пройдя мимо потенциального родственника одесского деляги, он потянул на себя ручку магической лавки. Дверь, звякнув колокольчиком, открылась.

Владелец оказался седобородым старичком в голубом расшитом золотыми звёздами балахоне и такого же стиля высоком островерхом колпаке. В иллюстрациях к детским книгам в такой одежде, обычно, изображали звездочётов.

Но старичок сразу же продемонстрировал свою квалификацию, с ходу определив в посетителе мага.

– Приветствую вас, коллега, – проговорил он, выходя из-за прилавка, – с чем пожаловали? Боюсь, что не все запросы я сейчас в состоянии удовлетворить. «Магические услуги и алхимия» мастера Бергера всегда славилась широким выбором и отменным качеством товаров. И смею надеяться репутацией. Да-да, именно репутацией. Но сейчас она переживает не лучшие времена.

Следуя повелению Его Величества, маги боевых направлений, отбывая в столицу, начисто опустошили мои прилавки, – он махнул широким, колоколообразным рукавом в сторону полочек, заставленных всевозможными склянками, колбочками, пучками трав, амулетами и прочими оккультными принадлежностями.

– Мне стыдно признаться, – продолжил хозяин, – но я не смогу предложить вам даже самый элементарный эликсир жизни, не говоря уже об эликсире маны. И даже не предлагайте мне удвоить цену, дело вовсе не в деньгах, их попросту нет!

Сергей поднял руки в протестующем жесте, показывая, что вовсе не собирается предлагать ни двойные, ни даже тройные тарифы и одновременно останавливая словоохотливого хозяина.

– Подождите, любезный, я вовсе не собираюсь покупать эликсиры, у меня проблема иного рода. Я, видите ли, потерял память и сейчас владею только одним заклинанием – «Огненный шар». Но все вокруг говорят, что этого мало. Что у меня должны быть какие-то другие заклинания и рекомендовали обратиться за помощью к магу. С этой проблемой вы можете мне помочь?

Старичок сразу успокоился и расплылся в улыбке.

– С этим вопросом вы обратились как раз по адресу. Да, именно по адресу. Должен вас просветить, после вашей хм..., – он запнулся, – потери памяти, как вы выразились, вам доступно два базовых заклинания, их надо просто перевести в активный режим. А я как раз и являюсь лицензированным специалистом, который не только может, но и имеет право проводить подобные операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.